

КИШИНЕВСКАЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

✱ — — — ✱
XLI.
✱ — — — ✱

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 20 и 21-й.

Воскресенье, 18 и 25-го мая.

1908.

КИШИНЕВЪ.

Епархіальная типографія.

Харалампіевская ул., д. № 42.

СОДЕРЖАНИЕ №№ 20 и 21.

**** Отдѣлъ оѳиціальнѣй. ****

1 Высочайшія награды. Опредѣленія Святѣйшаго Синода. 3. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. 4. Епархіальныя извѣстія. 5. Пожертвованія. 6. Отъ Правленія Измаильскаго духовнаго училища 7. Отъ Комитета Кишиневской Епархіальной типографіи. (Страницы 95—100).

**** Отдѣлъ неоѳиціальнѣй. ****

1. Подражанія пѣснопѣніямъ русской Православной Церкви. 2. Памяти препод. Нила Сорскаго. 3. О чоклахъ (гробокопателяхъ) Бессарабіи. 4. Нѣкоторое сужденіе по поводу событій, бывшихъ 14, 15, 19 января т. г. въ Кишиневской духовной семинаріи. 5. Къ развитію пчеловодства въ Бессарабіи. 6. Главныя проблемы этики въ философскомъ ихъ освѣщеніи. 7. О пастырскихъ собраніяхъ и курсахъ. 8) Письма въ редакцію. 9. Епархіальная хроника. 10. Иноепархіальная хроника церковно-общественной жизни. 11. Извѣстія и замѣтки. 12. Объявленія. (Страницы 751—838).

При этомъ № прилагается листокъ Христо-Рождественскаго Братства № 232.

**Цѣна годовому издакію 6 руб. съ пересылкою,
а за мѣсяць 50 коп.**

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1-й разъ за страницу 3 р., $\frac{1}{2}$ стр. 1 $\frac{1}{2}$ р., $\frac{1}{4}$ стр. 75 к., 2-й и послѣдующіе разы за стр. 2 р., $\frac{1}{2}$ стр. 1 р., $\frac{1}{4}$ стр. 50 к. Въ полгода за страницу взимается 40 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 10 р.; въ годъ за страницу 75 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 37 р. 50 к., за $\frac{1}{4}$ стр. 18 р. 75 к.

ПОДПИСКА

принимается у о.о. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи «Кишинев. Еп. Вѣдомостей», въ Кишиневѣ, Садовая ул., № 30.

О.о. благочинные, при отсылкѣ въ Редакцію подписныхъ денегъ за цѣлый свой округъ, благоволятъ прилагать и адреса подписчиковъ.

За перемѣну адреса, послѣ подписки, взимается Редакціей дополнительная плата въ 25 коп.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною (по крайней мѣрѣ, для свѣдѣнія Редакціи) подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются иногда сокращеніямъ и исправленіямъ. Статьи, присланныя безъ указанія о гонорарѣ, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если будутъ присланы марки на пересылку; невостребованныя же, въ теченіе года, уничтожаются.

1908 годъ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мая 18 и 25.

I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ всемілостивѣйше соизволилъ къ 6-му мая т. г. наградить орденами преподавателей Кишиневской духовной семинаріи: протоіерея Николая Ранинскаго и Юрія Пономарева св. Анны 3-й ст., Юсіфа Боркова и Александра Чулкова св. Станислава 3-й ст.; преподавателей Кишиневского дух. училища: Петра Ругинова и Александра Гребинецкаго св. Станислава 3-й ст.; преподавателя Единецкаго дух. училища Максима Тучкевича св. Станислава 3-й ст.; священниковъ: ц. с. Комратъ; Бенд. у., Дмитрія Улинича, ц. с. Александровки, Акк. у., Даниіла Киранова; с. Шикирликкитай, Изм. у., Василя Агуру, Св.-Харалампіевской ц., г. Кишинева, Василя Гобжилу; ц. с. Страшенъ, Кишин. у., Дмитрія Георгіянова; ц. с. Сарато-Голбанъ, Кишин. у., Аонасія Маня св. Анны 3-й степени.

II.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Удостоены награжденія ко дню рожденія Его Императорскаго Величества саномъ протоіерея: епархіальный Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Андрей *Лелявскій*; ц. С. Селеметъ, Бенд. у., свящ. Георгій Буга; церкви с. Барна-

леевки, Аккерманскаго уѣзда., священникъ Іоаннъ *Юсипенко*; церкви села Кодъ-Китай, Аккерманскаго уѣзда, священникъ Алексій *Казакъ*; церкви села Авдармы, Бендерскаго уѣзда, священникъ Григорій *Бабченко*; Димитріевской церкви гор. Измаила, священникъ Константинъ *Михулъ*; церкви села Ульмы, Кишиневскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Ирмица*; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Сѣнода выдаваемымъ*—церкви села Томай, Бендерскаго уѣзда, священникъ Владимиръ *Мариничъ*; церкви села Кириеть-Лунги, Бендерскаго уѣзда, священникъ Тома *Любовъ*; церкви села Кирсова, Бендерскаго уѣзда, священникъ Димитрій *Пранцикій*; церкви села Барабой, Бѣлецкаго уѣзда, священникъ Владимиръ *Махо*; Св. Апостола Петра Веригъ церкви гор. Кишинева, священникъ Макарій *Унтулъ*; Свято-Димитріевской церкви гор. Кишинева, священникъ Евѣмій *Кишжуца*; церкви села Старыхъ-Дубосаръ, Кишиневскаго уѣзда, священникъ Константинъ *Гума*; церкви села Киштельницы, Оргѣвскаго уѣзда, священникъ Іаковъ *Токанъ*; церкви села Кричкоуць, Сорокскаго уѣзда, священникъ Георгій *Бучучановъ*; церкви села Шиловецъ, Хотинскаго уѣзда, священникъ Петръ *Раецкій*; церкви села Котюжанъ, Хотинскаго уѣзда, священникъ Тимоѣей *Антоновичъ*; Ново-Нямецкаго Свято-Вознесенскаго монастыря іеромонахъ *Гедсонъ*; в) *камилавкою*—г. Аккермана церкви при мужской гимназіи, сверхштатный священникъ Василій *Кочубинскій*; церкви села Сергѣевки, Аккерманскаго уѣзда, священникъ Георгій *Мураневичъ*; церкви села Кирнаценъ, Бендерскаго уѣзда, священникъ Леонъ *Даниловъ*; церкви села Петровки, Аккерманскаго уѣзда, священникъ Іаковъ *Гавриловичъ*; церкви села Ханъ-Кишла, Аккерманскаго уѣзда, священникъ Теодоръ *Ивановъ*; церкви села Староказачья, Аккерманскаго уѣзда, священникъ Николай *Гепецкій*; церкви с. Валя-Пержи, Бендерскаго уѣзда, священникъ Петръ *Попо-*

вичъ; церкви села Башкалин, Бендерскаго уѣзда, священникъ Симеонъ *Лашковъ*; церкви села Кошкodenъ, Бѣлецкаго уѣзда, священникъ Андрей *Георгіяновъ*; церкви села Обрежи, Бѣлецкаго уѣзда, священникъ Аввакумъ *Сеулъ*; церкви села Глодянъ, Бѣлецкаго уѣзда, священникъ Георгій *Георгіяновъ*; Свято-Покровской церкви гор. Измаила, священникъ Василій *Погоревичъ*; церкви села Фынтына-Зинилоръ, Измаильскаго уѣзда, священникъ Николай *Бокуновскій*; церкви села Страшенъ, Кишиневскаго уѣзда, священникъ Василій *Балмага*; церкви с. Чучуленъ, Кишиневскаго уѣзда, священникъ Матвѣй *Оранскій*; церкви с. Петросъ, Сорокескаго уѣзда, священникъ Исидоръ *Пламадяла*; церкви села Мерешовки, Сорокескаго уѣзда, священникъ Георгій *Поповичъ*; церкви села Голерканъ, Оргѣвскаго уѣзда, священникъ Никонъ *Яковъ*; церкви села Балкоуцъ, Хотинскаго уѣзда, священникъ Александръ *Чегорянъ*; церкви села Шебутинецъ, Хотинскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Полянскій* и г) *благословеніемъ Святѣйшаго Синода съ грамотами*—церкви села Каплянъ, Аккерманскаго уѣзда, священникъ Василій *Глижсинскій*; церкви села Кириутни, Бендерскаго уѣзда, священникъ Макарій *Любовъ*; церкви села Марамоновки, Сорокескаго уѣзда, священникъ Василій *Евводіевъ*; церкви села Яноуцъ, Хотинскаго уѣзда, священникъ Владимиръ *Гришковъ*.

◆
III.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства:

Обществу прихожанъ с. Борисовки, 3-го окр. Бѣлецкаго уѣзда, за пріобрѣтеніе ими для своего приходскаго храма священническаго облаченія, завѣсы для царскихъ вратъ и иконы св. великомученика Пантелеимона въ кіотѣ, всего на сумму 259

рублей; прихожанамъ села *Съвировой*, 3 окр. Сорокского уѣзда; Симеону *Кешпію* за пожертвованіе имъ на предметъ построения новой церкви—100 руб. и за приобрѣтеніе для своего приходскаго храма пасхальнаго облаченія, стоимостью въ 50 рублей; Константину *Печанану* и Константину *Караушу* за приобрѣтеніе ими плащаницы, стоимостью въ 70 руб., священническаго облаченія и напрестольнаго облаченія, на сумму 65 руб., и Теодору *Морошану* за приобрѣтеніе имъ дарохранительницы, стоимостью въ 30 рублей: *обществу* молодыхъ людей с. Ташлыкъ, 4 окр. Аккерманскаго уѣзда, за приобрѣтеніе ими на свои средства для своей приходской церкви пары бронзовыхъ, вызолоченныхъ хоругвей, стоимостью въ 100 рублей; *прихожанамъ и прихожанкамъ* с. Ташлыкъ за приобрѣтеніе ими напрестольнаго облаченія съ бархатнымъ покрываломъ, завѣсы для царскихъ вратъ и двухъ паръ суконныхъ хоругвей, всего на сумму 216 рублей.

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.

Перемѣщаются: священникъ церкви села Леки, Измаильскаго уѣзда, Матвѣй *Голянъ* на настоятельское мѣсто къ церкви Конгазъ, Бендерскаго уѣзда, и священникъ с. Чишии, Аккерманскаго уѣзда, Димитрій Тишковскій на второе священническое мѣсто къ той же церкви, оба согласно прошенію (11 мая).

УВОЛЬНЕНІЕ.

Псаломщикъ церкви с. Буценъ, 2 окр. Кишиневскаго уѣзда, Іоаннъ Тону увольняется заштатъ, по болѣзненности и преклонности лѣтъ (3 мая).

IV.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

а) Священническія.

С. Гулбоки, 5 окр. Оргѣвскаго уѣзда, 552 д. м. п., 33 дес. земли, обществ. домъ (съ 27 марта): с. *Гура-Найнарь*, съ прип. д. Ивановкой, 597 д. м. п., 33 д. земли, церковный домъ

(съ 28 марта); с. *Валъ-Руссулуй*, 3 окр. Бѣлецкаго уѣзда, 424 д. м. п., 66 дес. земли и 111 руб и 91 коп. жалованія изъ суммъ Синода (съ 28 марта); с. *Бужоры*, 3-го округа Кишиневскаго уѣзда, 932 д. м. п., 66 дес. земли (съ 25 марта); Свято-Алексѣвская церковь при *Миренской* исправительной колоніи, домъ (съ 28 марта): с. *Негринець*, 4 окр. Хотинскаго уѣзда, 541 д. м. п., 33 дес. земли, церковный домъ (съ 16 апрѣля); с. *Лека* съ прип. Порумбешты и Канія, 4 окр. Измаильскаго уѣзда, 568 д. м. п., 33 дес. земли, (съ 11 мая) и с. *Чишия*, 2268 д. м. п., 120 дес., 1450 руб. обществ. жалованія (съ 11 мал).

б) Діаконскія.

При Оргѣвск. соборѣ и при Сорокскомъ соборѣ.

в) Псаломщическія.

Въ г. Хотинѣ при соборной и Царе-Константиновской церкви; *Хотин. уѣз.* м-ко Единцы, с.с. Каплевка, Росошаны, Шербинець и Бѣлоусовка; Сорок. уѣз. с.с. Царь-Градъ и Савка; *Кишинев. уѣз.* при Миренской исправит. колоніи; *Оргѣв. уѣз.*, с.с. Пояны, Гулбока; *Плм. уѣз.* с. Мусаить; *Акк. у.* с. Камчикъ, Гура-Роши 2-го окр; с. Буцены, 2 окр. Кишиневскаго уѣзда.

УМЕРШІЕ.

— | = Заштатный священникъ с. Кирсово, 3 округа Бендерскаго уѣзда, *Димитрій Праницкій* (1 апрѣля). Заштатный священникъ церкви с. Петришъ, 3 округа Бѣлецкаго уѣзда, *Григорій Машняга* (19 апрѣля). Псаломщикъ с. Гура-Роши, 2-го окр. Аккерманскаго уѣзда, *Автономъ Сырбу* (1 мая). Сверхштатный псаломщикъ села Кодъ-Китай, того же округа и уѣзда, *Петръ Разюванъ*.

V.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

На имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владимира, Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго, поступило пожертвованій въ пользу голодающихъ—отъ прихожанъ села Жавгуръ, Бендерскаго уѣзда, черезъ священника В. Спиenea—5 рублей.

VI.

Отъ Правленія Измаильскаго духовнаго училища.

Въ Измаильскомъ дух. училищѣ предъ лѣтними вакансіями имѣютъ быть произведены приемныя испытанія поступающимъ въ пригготовительный, первый и второй классы 26 и 27 мая сего 1908 года, въ 3 и 4 классы съ 27 мая по 13 іюня.

VII.

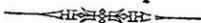
**ОТЪ КОМИТЕТА КИШИНЕВСКОЙ ЕПАРХІАЛЬНОЙ
ТИПОГРАФІИ.**

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
краткій молитвословъ на молдавскомъ языкѣ

„КЪРТИЧНИКЪ ДЪ РУГЪЧУНИИ“

Цѣна книжки въ учебномъ переплетѣ 15 коп.,
а въ коленкоровомъ—25 коп.

Складъ изданія въ Епархіальной типографіи,
Харалампіевская ул., д. № 42.

1908 годъ. ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. Мая 18 и 25.

Подражанія гѣснопѣніямъ русской Православной Церкви.

Чистое сердце.

*«Блаженни чистѣи сердцемъ,
яко тѣи Бога узрятъ».*

I.

Когда-то молодой еврей стоялъ
На берегу пустынномъ Іордана;
Вблизи онъ Іисуса увидалъ
И услыхалъ воззванье Іоанна
Крестителя: «Вотъ Агнецъ Божій»... Вслѣдъ
За этимъ Агнцемъ онъ пошелъ смиренно
И у Него провелъ весь день тотъ незабвенный,—
И, чистый сердцемъ, въ Немъ увидѣлъ свѣтъ,
Свѣтъ истинный, свѣтъ вѣчный и духовный,
Живительно свѣтящій сущимъ въ тьмѣ грѣховной.

II.

Свѣтъ этотъ въ душу чистую проникъ,—
И молодой еврей, сынъ Зеведея—
Любимый сталъ Мессіи ученикъ;
Къ Учителю любовью пламенѣя,
Онъ ходитъ всюду по Его слѣдамъ
Въ числѣ другихъ двѣнадцати собратій
И видитъ славу Божьей благодати,
И внемлетъ Божьей истины словамъ,

И на Фаворѣ, въ часъ уединенья,
Онъ созерцаетъ блескъ Преображенья.

III.

А между тѣмъ ученый фарисей
Преслѣдуетъ пророка Галилеи,
Ему невѣруетъ богатый саддукей,—
И по всему пространству Іудеи
О Немъ молва различная идетъ:
Но всѣ почти согласны, что съ толпою
Живетъ Онъ жизнью вполне простою,—
И что къ Нему Мессіи видъ не идетъ...
(Мессія же въ народномъ ожиданьи
Являлся въ пышно-царственномъ сіяньи).

IV.

Въ такой-то внѣшности и простотѣ
Сынъ Зеведея прозрѣвалъ иное..
О, какъ въ твоей невинной чистотѣ
Ты много чуешь, сердце молодое,
Когда святой любовью полно!
Что недоступно для умовъ холодныхъ,
То отдается въ чувствахъ благородныхъ,
Какими ты всегда одарено;
Берешь ты и хранишь ты неизмѣнно
Залогъ любви божественно-священной.

V.

Нужны ли доказательства для васъ,
Читатель добрый? Книгу Іоанна
Раскройте и читайте. Въ добрый часъ
Ощутите душой: благоуханна
И правдою и силой чистота
Сердечная. Ученіе Христово
Проникнуть въ душу вашу тутъ готово,
Какъ рѣчь живая самаго Христа...

Рѣчь Божія передается вѣрно
При всемъ своемъ величїи безмѣрномъ*).

VI.

Вотъ вечеръ наступилъ, когда Господь
Открылъ ученикамъ, какой любовью
Онъ любитъ ихъ: когда Свою Онъ плоть
Имъ преподаль, и собственною кровью
Ихъ напоилъ таинственно, когда
Ему смерть страшно лютая грозила,
И ужъ Его заранѣ осудила
На эту смерть свирѣлая вражда,—
Когда въ послѣдній разъ съ учениками
Дѣлился Онъ предсмертными рѣчами.

VII.

Тѣ рѣчи сохранилися для насъ:
Близъ сердца Іисуса не напрасно
Сынъ Зеведея былъ въ великій часъ
Предсмертной вечери. О, какъ тутъ ясно
Мы ощущаемъ Божию любовь,
Особенно въ тяжелыя мгновенья
Болѣзни, иль печали, иль сомнѣнья!
Читаешь ихъ, читаешь вновь и вновь,—
И оживаешь, словно изъ могилы
Выходишь въ міръ святой любви и силы.

VIII.

Благословенъ во вѣки Іоаннъ,
Что, сердцемъ чистымъ воспрїявъ тѣ рѣчи,
Ихъ преподаль для всѣхъ временъ и странъ
Христовой Церкви. Множеству нарѣчїй
Онѣ усвоены теперь: во льдахъ,
Близъ полюсовъ и въ африканскомъ зноѣ
Читаютъ наставленье то святое
Съ невольными слезами на глазахъ
И съ дивнымъ умиленїемъ въ сердцахъ.

*) См. Евангелїя отъ Іоанна главы XIII—XVII.

IX.

Вотъ на крестѣ Христоръ, вблизи креста
Сынъ громовъ. Изо всѣхъ „друзей“ Христовыхъ
Стоитъ одинъ въ спокойствіи святомъ,
Среди враговъ и злобныхъ, и суровыхъ;
Стоитъ и принимаетъ Онъ завѣтъ
Учителя: „Вотъ Мать твоя“,—и слышитъ,
Какъ тяжело Учитель въ мукахъ дышитъ...
Вотъ „совершилось!“ Меркнетъ неба свѣтъ...
Но въ сердцѣ чистомъ свѣтъ не угасаетъ—
Съ Учителемъ любовь не умираетъ.

X.

Два дня прошло съ тѣхъ поръ. На третій день,
По зову Магдалины, къ погребальной
Пещерѣ Господа,—чуть ночи тѣнь
Блѣднѣла,—Іоаннъ спѣшилъ печальный...
Вотъ добѣжалъ, дошелъ: во глубинѣ
Лежать тамъ пелены на мѣстѣ тѣла...
И въ чистомъ сердцѣ вѣра просвѣтлѣла:
Тѣ пелены,—не брошены онѣ,
А сложены. „И видѣлъ“,—и мгновенно
„Увѣровалъ: воскресъ Онъ, несомнѣнно“.

XI.

„Блаженъ, кто вѣруетъ, не видя“,—въ слухъ
Учениковъ сказалъ Господь воскресшій.
Блаженства этого ты хочешь, другъ,
Въ тяжелый вѣкъ, невѣріе занесшій
На Русь родную?—Вѣруй и люби!
Люби всемъ пламенемъ простого сердца
И вѣруй со смиреніемъ младенца,—
И ты отыщешь въ собственной душѣ
Источникъ свѣта, силы и довѣрья
Средь современной страшной тмы безвѣрья.

Святой Симеонъ Богопріимецъ.

Въ Ерусалимѣ жилъ когда-то Симеонъ,
Глубокій старецъ. Богомъ былъ увѣренъ онъ,

Что не уметь, пока тѣлесными глазами
Не узритъ онъ Христа. И годы за годами
Неслися для него неслышно.—Въ Божій храмъ?
Однажды онъ пришелъ,—и что же видитъ тамъ?
Стоитъ дѣвица-мать пречистая, святая,
И на рукахъ у ней младенецъ чудный... Оживая
Внезапной радостью, къ Ней старецъ подошелъ,
У Ней взялъ чуднаго младенца и возвелъ
Глаза ко Господу, всею сердцемъ умиленный...
„Теперь то, Господи, —сказалъ онъ, вдохновенный,
По слову Твоему, изъ жизни сей меня
Ты отпускаешь съ миромъ. Я дождался дня
Давно желаннаго. Вотъ я смотрю очами
На Спаса моего. Вотъ я держу руками
Его, Израиля Утѣху. Но яснѣй
Теперь я вижу: Ты Его для всѣхъ людей
Послалъ на землю: Онъ Израиля прославить,
Онъ и язычниковъ отъ вѣчной тмы избавить“.
Сбылося слово старца и сбылось вполнѣ:
Теперь „всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ“,—
и мнѣ,

Всѣхъ немощнѣйшему, Христось дается чудно,
Какъ „жизни хлѣбъ“, дается на руки. Нетрудно
И мнѣ, какъ древле Симеону, отойти
Изъ жизни „съ миромъ“, и за гробомъ на пути
Теперь сияетъ свѣтъ Христовъ незаходимый...
О, будь благословенъ въ любви непостижимый
Создатель нашъ, Спаситель нашъ, съ Нимъ Его
Отецъ,

Нашъ Царь Небесный, Всеблагій, Творецъ,
И „сына блуднаго“ встрѣчающій съ любовью,
„И первыхъ грѣшниковъ“ и плотію и кровью
Питающій Своею! Будь благословенъ
На всякомъ мѣстѣ, въ продолженъе всѣхъ временъ

Земного міра! Будь благословенъ сердечно,
Создавшій, Спасшій насъ для славы безконечной.

«Марія благую часть избра».

Съ любовію въ душѣ, съ Евангельемъ въ рукахъ,
У ногъ Спасителя присядемъ, какъ Марія,
Забывши обо всѣхъ житейскихъ суетахъ
И возжелавши „части лишь благія“.
Благая часть—Христа Спасителя любить
Всею силою ума, всею крѣпостію сердца
И той любовію по заповѣдямъ жить
Съ смиреніемъ и кротостію младенца.

Божій храмъ.

*«Почѣмъ соберутся два или
тріе во имя Мое, ту есмь посреди
ихъ».*

О, домъ земной Небеснаго Отца!
Какъ любо быть среди Твоей святыни,
Въ отрадномъ свѣтѣ Божія лица,
Въ общеніи тайномъ Божьей благостыни.
Тутъ видятъ много и тѣлесные глаза:
Святаго и святыхъ честные образа
Въ сіяніи лампадъ и свѣчъ горящихъ,—
И ризы благолѣпныя служащихъ,
И во вратахъ открытыхъ алтаря,
Волнами ѳиміама окруженный,
Престоль Христа таинственно-священный
Со знаками великаго Царя:
Евангельемъ, Распятіемъ и Дарами,
Чѣмъ видимо Онъ говоритъ: „Я съ вами“.

Аллилуія.

Тамъ, въ далекихъ небесахъ,
Въ чистыхъ ангельскихъ устахъ
Аллилуія раздается...
Въ православныхъ здѣсь церквахъ
Въ дѣтскихъ, въ старческихъ сердцахъ

Аллилуія отдается...
Неба и земли Творецъ,
Нашъ Спаситель, нашъ Отецъ
Тамъ и тутъ тому внимаетъ,—
И, внимая пѣсни той,
Щедродательной рукой
Чадъ своихъ благословляетъ.

Подражаніе псалму XX-му.

- О Господи, Твоею силой
Возвеселится русскій Царь,—
И о Твоемъ спасеніи дивномъ
Сердечно радуется Онъ.
2. Чего желалъ Онъ царскимъ сердцемъ,—
Ты щедро даровалъ Ему,
И Царскихъ устъ Его молитвы
Ты не отринулъ до конца,
 3. Его восшествіе Ты встрѣтилъ
Благословеніемъ любви
И возложилъ Ты драгоцѣнный
Вѣнецъ на голову Его.
 4. Онъ жизни долгой, жизни мирной
Усердно у Тебя просилъ,—
И далъ Ему Ты долголѣтье
Среди неожиданныхъ бурь и бѣдъ.
 5. Отъ тайныхъ ковъ Его спасая,
Ты чуднымъ образомъ явилъ
Твое къ Нему благоволенье
Передъ очами всѣхъ людей.
 6. И на Тебя Онъ уповаешь
Во дни коварства и вражды:
Онъ неколеблемо увѣренъ
Въ великой милости Твоей.
 7. На эту милость уповая,
Онъ, полный вѣры и любви,

Несеть, какъ прежде, царскій подвигъ,
Его же Ты благослови.

Потерни Господа.

*«Потерни Господа, мужайся,
и да крѣпится сердце Твое, и по-
терни Господа» (Псаломъ XXI).*

Русь родная,
Какъ „святая“,
Потерни Христа,
Мощь врага сражая
И ему являя
Торжество креста.

Архіепископъ Неофитъ.

Памяти преподобнаго Нила Сорскаго.

Седьмого мая текущаго года исполнилось четьреста лѣтъ со дня смерти величайшаго религіозно-нравственнаго дѣятеля XV—XVI в. пр. Нила Сорскаго, этого, по словамъ извѣстнаго нашего церковнаго историка, арх. Филарета, «великаго отца церкви русской».

Имя этого замѣчательнаго человѣка воскрешаетъ въ памяти знаменательную эпоху развитія и борьбы діаметрально-противоположныхъ идей, оживляетъ интереснѣйшую картину столкновенія двухъ міровоззрѣній, традиціоннаго и новаго. Предъ нами проходитъ моментъ зарожденія критическаго отношенія къ традиціонно-сложившимся формамъ, моментъ, свидѣтельствующій о пробужденіи и постановкѣ сознаниемъ русскаго человѣка XV—XVI-го в. новыхъ религіозно-нравственныхъ задачъ и искрнній. Мы присутствуемъ какъ бы при пробужденіи долго спавшей, робкой и запуганной русской мысли, нерѣдко поражающей насъ своимъ крайне уродливымъ нигилизмомъ. Въ центрѣ этой идейной борьбы XV—XVI в. стоялъ, «достопамятный» Нилъ Сорскій. Скудны и отрывисты біографическія свѣдѣнія о преп. Нилѣ Сорскомъ. Мірское имя его неизвѣстно; происходилъ онъ изъ

рода Майковыхъ, того славнаго рода, который подарилъ Россіи выдающихся ученыхъ, критиковъ и поэтовъ.

Слова Нила: «о себѣ же не смѣю творити что, понеже невѣжда и поселянинъ есмь», повидимому, говорятъ о его крестьянскомъ происхожденіи. На самомъ дѣлѣ онъ принадлежалъ къ служилому сословію; братъ его Андрей былъ казначеемъ у великаго князя и ѣздилъ съ посольскими порученіями въ Литву (см. Пыпинъ Ист. русск. лит. т. II. 76).

Родился онъ въ подмосковной деревнѣ, гдѣ издѣтства окружала его строго-религіозная и благочестивая атмосфера, воспитавшая необычайную религіозность въ ребенкѣ. Обычныя ребяческія игры и развлечения были чужды религіозно-настроенному мальчику. «Спутаютъ коней ребятишки, пустятъ ихъ пастись, а сами соберутся гурьбой и начнутъ или сказки другъ дружкѣ рассказывать, или игру какую заведутъ, но сына Миріи Майковой съ ними никогда не видно. Туда, гдѣ на скатахъ холма осины стройныя растутъ, уходитъ маленькій Нилъ и тамъ, забравшись въ чашу лѣсовъ, подолгу стоитъ на молитвѣ». И часто далекое небо, и чаща лѣсная внимали молитвеннымъ вздохамъ юнаго аскета. (Н. Калестиновъ «Великій старецъ», 9 стр.).

Вскорѣ онъ попалъ въ Москву, къ своему родственнику, который и обучилъ его грамотѣ и письму. Ученикъ оказался очень даровитымъ, отличнымъ переписчикомъ всякихъ бумагъ и особенно священныхъ книгъ, надъ переписываніемъ которыхъ онъ трудился съ необычайнымъ стараніемъ, почти религіознымъ благоговѣніемъ.—Искусство переписки, за отсутствіемъ печатнаго станка, цѣнилось тогда очень высоко и признавалось священно-религіознымъ занятіемъ. На него смотрѣли, какъ на путь и средство къ спасенію души. И свѣтскіе, и духовные сановники, и низшее духовенство, и міряне съ охотой и любовью занимались переписываніемъ религіозно-нравственныхъ книгъ, «божественныхъ писаній». Такой способъ сохранія религіозной письменности отличался необычайною трудностью, почему и занимавшіеся имъ окружены были ореоломъ благоговѣйнаго уваженія и преклоненія предъ громадною силой воли и терпѣнія.

Нилъ въ Москвѣ скоро заслужилъ всеобщее уваженіе, такъ что ему давали сложныя и почетныя порученія: то указъ государевъ переписать вязью, то приказъ владычній, то рѣшеніе суда по какому-либо важному дѣлу (Н. Калестиновъ. Великій старецъ. 10).

Другимъ любимымъ занятіемъ Нила было посѣщеніе храма (гдѣ службу выстаивалъ на колѣняхъ въ углу), откуда онъ выходилъ послѣднимъ.

И въ душѣ юноши рано проснулась жажда подвига, исканіе высшаго религіозно-нравственнаго идеала. Смутно и неопредѣленно бродили въ его душѣ эти желанія, и нуженъ былъ толчекъ, чтобы смутная и глубоко таившаяся идея приняла ясныя очертанія. Такимъ толчкомъ, освѣтившимъ всѣ его интимнѣйшія помышленія и стремленія, было знакомство съ жизнью преп. Кирилла Бѣлозерскаго, одинъ изъ списковъ житія котораго поручено было сдѣлать «скорописцу» Майкову.

«Кто можетъ представить себѣ радость Нила! Дни и ночи просиживалъ онъ надъ порученной ему работой и, чѣмъ болѣе вчитывался онъ въ жизнь Кириллѣ, тѣмъ для него все яснѣе и яснѣе становилась мысль, что именно здѣсь то, чего онъ такъ страстно искалъ». («Великій Старецъ», 13).

Повидимому, очень рано онъ поступилъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, основанный преп. Кирилломъ.

Что же влекло богато-одареннаго и религіозно-настроеннаго юношу въ монастырь вообще и въ частности въ Кирилло-Бѣлозерскій?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, перенесемся мысленно въ XIV—XV в.в. нашей исторіи.

Четырнадцатый и пятнадцатый вѣка отмѣчены особеннымъ распространеніемъ монастырей и монашескаго идеала, занесеннаго къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ установленіемъ на Руси христіанства. «Монастырское подвижничество, гов. Пыпинъ, было однимъ изъ тѣхъ явленій которыя въ новой вѣрѣ оказывали наиболѣе могущественное вліяніе на народныя массы, являлось нѣчто новое и поразительное. Суровый аскетизмъ, слу-

жившій выраженіемъ глубокого внутренняго убѣжденія, производилъ впечатлѣніе на массы свидѣтельствомъ великой нравственной силы, а затѣмъ и чуда». Вокругъ монастырей создались цѣлая литература, ими питалась новая христіанская поэзія, все болѣе и болѣе разраставшаяся и обогащавшаяся въ разныхъ концахъ Россіи. Самое созданіе монастырей окружено было религіозно-поэтическими сказаніями, связывавшими, напр., зарожденіе и построеніе Кіево-Печерской обители съ Царьградомъ, откуда Сама Богородица прислала строителей знаменитаго монастыря. (Пыпинъ *ibid* 45).

Обширная литература, говорившая о душевномъ спасеніи, настойчиво отгѣняла мысль, что лучшій путь ко спасенію это—отреченіе отъ міра, удаленіе въ монастырь, особенно въ пещеру и пустыню. Личности самихъ основателей монастырей—также представляли собою могучую притягательную силу, къ которой шли всѣ, жаждавшіе высшаго религіозно-нравственнаго идеала. По словамъ одного изслѣдователя, «основатели монастырей въ XIV—XV вѣкѣ составляютъ особый типъ людей, отличавшихся могучею силою воли, безстрашіемъ и кромѣ того настойчивостью въ преодоленіи трудностей для достиженія высшей цѣли. Преданіе о Пересвѣтѣ и Ослябѣ—этихъ богатыряхъ въ иноческой одеждѣ, равно какъ и постриженіе богатыря въ иноки въ народной былинѣ, имѣетъ свое значеніе. Такъ же, какъ богатырь, преподобный разрываетъ съ семьєю и родиной всѣ связи и идетъ на подвигъ. Укрѣпленный въ борьбѣ со страстями и всякаго рода трудностями, онъ удаляется въ глубь лѣсовъ и тамъ собираетъ свою дружину—иноковъ» (*ibid* 47).

Все это окружало монастыри и монашескій идеалъ атмосферою уваженія и даже преклонія. Религіозно-настроенное русское общество, видѣвшее въ монастырѣ и монастырскихъ молитвахъ вѣрный источникъ спасенія, щедро награждало своихъ молитвенниковъ всякими угодами и богатыми приношеніями. Монастыри сдѣлались богатѣйшими землевладѣльцами: въ ихъ рукахъ оказалась цѣлая треть государственныхъ земель, что, конечно, «вовсе не было цѣлью первыхъ основателей монастыр-

скаго житія». Такое скопленіе громадныхъ матеріальныхъ богатствъ въ рукахъ монастырей таило въ себѣ серьезную опасность для чистоты монашеской жизни. Отреченіе отъ міра было только фиктивное: монастырь нерѣдко превращался въ обширное торговое предприятие, гдѣ полновластно царилъ, какъ грозная экономическая сила, отвергнутый иноками «міръ». Въ жизни монастыря господствующее значеніе получали экономическіе интересы, идея же спасенія души путемъ отреченія отъ міра стушевывалась и отодвигалась на задній планъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого была глубокая религіозно-нравственная деморализація иноковъ. Оазисомъ среди такой всеобщей матеріализаціи русскихъ монастырей въ XIV—XV в. былъ монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, иноки котораго отличались строгостью жизни и полною нестяжательностью. Даже суровый Іосифъ Волоцкій съ величайшею похвалою отзывался объ обители преп. Кирилла: «яко на свѣщницѣ, говорилъ онъ, свѣтъ сіяющъ въ нынѣшнія времена». Старцы этой обители славились упорною приверженностью завѣтамъ своего учителя, ради которыхъ они вступали даже въ борьбу съ своими игуменами, пришедшими къ нимъ изъ другихъ монастырей. Эти игумены, воспитавшіеся на другихъ монастырскихъ порядкахъ, стремились ввести ихъ и въ обители преп. Кирилла. Но иноки, ученики преподобнаго, не соглашались на такую подмѣну основной идеи монашескаго подвига, и между ними завязывалась упорная борьба, иногда принимавшая довольно суровый и даже трагическій характеръ. Игумень нерѣдко, дабы смирить непокорныхъ старцевъ, пускалъ въ ходъ даже свой жезлъ, но и это не могло сломить упорнаго сопротивленія старцевъ. Послѣдніе, когда завѣтамъ ихъ учителя грозила большая опасность, не желая видѣть ихъ погранными, однажды совсѣмъ покинули монастырь. И только тогда, когда великій князь, услышавъ объ этомъ, велѣлъ изгнать игумена, иноки вновь вернулись въ обитель. Въ числѣ такихъ суровыхъ старцевъ, вѣроятно, по словамъ акад. Пыпина, былъ и знаменитый въ свое время Паисій Ярославовъ, который былъ учителемъ Нила Сорскаго.

И вотъ, въ эту обитель, представлявшую собою превосходную школу религіозно-нравственнаго подвижничества, поступилъ и Нилъ Сорскій.

Одна изъ лучшихъ библіотекъ, которую тогда владѣлъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, позволила Нилу расширить свои познанія, способствуя тѣмъ и болѣе ясному созрѣванію тѣхъ идей, которыми характеризуется его послѣдующая дѣятельность. Но главнымъ образомъ складъ его идей образовался на Аѳонѣ, куда онъ удалился изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и гдѣ онъ пробылъ довольно долго.

Извѣстно, что Аѳонъ въ теченіе всего XIV и XV столѣтія былъ центромъ, въ которомъ находили лучшее выраженіе всѣ вопросы, волновавшіе тогдашнюю православную мысль. Православный Востокъ шелъ далеко впереди православной Руси. Тамъ религіозное движеніе вполнѣ совпадало съ западно-европейскимъ, гдѣ шла упорная борьба между схоластикой и мистицизмомъ. Главными представителями послѣдняго на Востокѣ были Григорій Синаитъ, жившій на Аѳонѣ, и его ученикъ, Григорій Палама. Въ основѣ ихъ ученія лежало отрицательное отношеніе къ «внѣшней мудрости», какъ источнику Богопознанія и истины, каковымъ они признавали «погруженіе въ собственный духъ». «Теоретическому знанію» они противопоставляли нравственно-религіозную «дѣятельность», каковую они признавали низшею ступеню, за которою слѣдуетъ высшая ступень доступнаго человѣку «любомудрія»—внутреннее, мистическое «созерцаніе» (theoria). Послѣднее достигается особыми практическими приѣмами, которые приводили къ экстатическому состоянію покоя, восторга и ощущенія «ѳаворскаго свѣта», когда наступало полное общеніе съ Божествомъ. «Для примиренія этой идеи непосредственнаго общенія съ положительнымъ христіанствомъ Григорій Палама долженъ былъ придумать, говоритъ П. Милюковъ, особое различеніе между «сущностью» Бога и Его «проявленіемъ» («энергіей»): первая непостижима, но съ послѣдней человѣкъ можетъ сливаться» (Оч. ч. III, В. I, стр. 49). Это ученіе «исихастовъ» (ἰσυχῆα—покой) широко было распространено

на Аѳонѣ, гдѣ съ нимъ и познакомился Ниль Сорскій. глубоко усвоившій, какъ мы дальше увидимъ, его основную мысль о необходимости «внутренняго» пониманія вѣры и предпочтенія живого духа мертвой буквѣ. «На Аѳонѣ Ниль, замѣчаетъ акад. Пыпинъ, воспринялъ то аскетически созерцательное направленіе, которое отличало пстомя его жизнь и писанія и доставило ему большое нравственное вліяніе, хотя, повидимому, въ не весьма обширномъ кругѣ убѣжденныхъ учениковъ» (Пыпинъ Истор. р. лит. т. II, 77). По возвращеніи изъ Аѳона на Русь, Ниль первоначально поселился вблизи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, откуда, однако, онъ вскорѣ ушелъ, окончательно основавшись на р. Сорѣ. Ищущій полнаго уединенія, онъ избралъ это мѣсто потому, «занеже мірской чади мало входно» (Пыпинъ *ibid*).

Но глухая мѣстность не спасла его отъ посѣщеній: великій свѣтильникъ не долженъ былъ скрываться подъ спудомъ. Стоустая молва шла объ великомъ подвижникѣ, и вскорѣ потянулись къ нему многочисленные благочестивые люди, жаждавшіе найти у него религіозное назиданіе и желавшіе поселиться вмѣстѣ съ нимъ. Многимъ онъ отказывалъ, многихъ устрашали его суровыя требованія, и только немногихъ, послѣ настойчивыхъ просьбъ, принималъ въ число своихъ учениковъ. Истинный аскетъ, онъ цѣлью иноческаго подвига ставилъ полное удаленіе отъ міра, современныхъ дѣлъ и «безсловесныхъ попеченій». «Міръ, говоритъ онъ, ласкаетъ насъ сладкими вещами, послѣ которыхъ бываетъ горько. Блага міра только кажутся благами, а внутри исполнены зла. Того Богъ возлюбилъ, кого изъялъ отъ міра» (Костомаровъ. Русская исторія въ своихъ историч. дѣятеляхъ. 372). При такомъ пониманіи иноческаго подвига, Ниль упорно нерѣдко отклонялъ всякія приглашенія принять участіе въ современныхъ ему церковныхъ дѣлахъ. Такъ, въ 1489 году арх. Новгородскій Геннадій просилъ ростовскаго архіепископа Іоасафа, чтобы онъ «съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко поговорилъ», и выражалъ желаніе видѣть ихъ у себя. Геннадій, въ данномъ случаѣ, хотѣлъ привлечь ихъ къ борьбѣ съ еретиками,

но, не найдя у нихъ сочувствія къ своимъ жестокимъ мѣрамъ противъ еретиковъ, разъ навсегда бросилъ свои попытки.

Обстоятельства вывели Нила изъ его пустынного уединенія и чисто созерцательной жизни, заставивъ принять самое дѣятельное участіе въ борьбѣ современныхъ ему церковно-общественныхъ движеній и идей, такъ какъ религіозные споры очень быстро приобрѣли церковно-государственный характеръ. Религіозно-нравственное міровоззрѣніе преп. Нила Сорскаго, являясь протестомъ противъ многихъ традиціонно-сложившихся формъ древно-русскаго міровоззрѣнія, уже самымъ фактомъ своего существованія приобрѣтало общественный характеръ, клиномъ врѣзываясь въ толщу древне-русскаго міровоззрѣнія. Каковы же основныя черты міровоззрѣнія Нила Сорскаго?

(Окончаніе слѣдуетъ).

О чоклахъ (гробокопателяхъ) Бессарабіи*).

Вопросомъ о чоклахъ, т. е. особомъ классѣ гробокопателей, причислявшихся въ Молдавіи и Валахіи къ духовному словію, заинтересовался я случайно, когда читалъ извѣстное «Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидакономъ Павломъ Алеппскимъ» въ переводѣ (съ арабскаго) Г. Муркоса—выпускъ первый. (См. изд. 1896 г., вып. 2-й изд. 1897 г., вып. 3 и 4-й изд. 1898 г. Москва). По дорогѣ въ Россію Макарій патріархъ и его свита пробыли около 8 мѣсяцевъ въ Молдавіи и были тамъ свидѣтелями любопытнѣйшихъ событій того времени, которыми сопровождалось на этотъ разъ паденіе господаря Василія Лупула, а также свидѣтелями обычаевъ, обрядовъ и быта жителей Молдавіи и Валахіи. Остановливаемся на сей разъ только на одномъ эпизодѣ изъ разсказовъ Павла Алеппскаго, именно, на одной подробности описанія погребальной церемоніи, такъ какъ она осталась едва ли понятой и англійскими пере-

*) Очеркъ о чоклахъ былъ читанъ въ общемъ собраніи Бессарабскаго церковнаго историко-археологическаго общества 29 октября 1906 года.

водчиками и нашими русскими читателями, не знакомыми съ особенностями молдавскаго церковнаго ритуала, ведущими свое начало изъ древнѣйшихъ временъ.

Павелъ Алеппскій три раза описываетъ погребальную церемонію молдо-влахійскую и три раза упоминаетъ о какихъ-то особенныхъ, такъ сказать, привилегированныхъ бѣднякахъ. Описывая похороны какого-то янычара, выкрестившагося изъ мусульманъ, Павелъ Алеппскій подробно излагаетъ чинъ погребенія до чтенія евангелія и затѣмъ продолжаетъ такъ (отпѣваніе происходило въ Яссахъ):

«Затѣмъ нашъ владыка патріархъ (участвовавшій въ отпѣваніи), сойдя, всталъ у изголовья усопшаго и прочелъ евангеліе. У нихъ такой обычай, что жена, дѣти и родственники покойнаго при чтеніи евангелія стоятъ подъ нимъ на колѣняхъ. Потомъ онъ прочелъ разрѣшительную молитву и, подойдя къ иконѣ, которая лежала на груди усопшаго, сдѣлалъ три поклона, обратившись лицомъ къ востоку, приложился къ иконѣ, сдѣлалъ еще три поклона и взошелъ на патріаршее мѣсто. Затѣмъ подошли епископъ и игумень монастыря, съ двухъ сторонъ сдѣлали поклоны къ востоку и также приложились къ иконѣ. Потомъ подходили попарно священники, дьяконы и монахи. Двое изъ семьи или друзей покойнаго стояли съ обѣихъ сторонъ и раздавали всему собранію *до бѣдняковъ* дары, завернутые въ бумагу или въ расшитые платки. Потомъ подходили *знатные люди* по-двое по степенямъ. Покойника вынесли и погребли внѣ монастыря» (кн. II-я, глава 13-я, стр. 85—86).

Изъ этого упоминанія о *бѣднякахъ* еще не видно, чтобы они играли какую-нибудь роль при погребальномъ богослуженіи; но уже одно то обстоятельство, что *бѣдняки* получили дары наравнѣ съ всѣмъ духовенствомъ и что они поставлены въ погребальной церемоніи прощанія съ покойникомъ выше даже знатныхъ людей, такъ какъ, по смыслу разсказа, они прикладывались къ иконѣ на груди усопшаго раньше *знатныхъ* людей, а вся церемонія совершалась въ строгой постепенности отъ старшихъ къ младшимъ,—даетъ основаніе думать, что здѣсь говорится не просто о нищихъ или обыкновенныхъ бѣднякахъ, но о такихъ лицахъ, которыя занимали опредѣленное общественное положеніе въ ряду духовенства.

Въ главѣ 6-й книги III-й того же автора, гдѣ снова описывается обрядъ отпѣванія усопшаго въ интересующій насъ моментъ, роль *бѣдняковъ* именно такъ и обрисовывается.

«Обрядъ отпѣванія усопшихъ у валаховъ походитъ на описанный нами обрядъ въ Молдавіи; но здѣсь дѣлаются большіе расходы при вскихъ похоронахъ. Приглашали нашего владыку патріарха въ домъ покойника, причемъ, колокольъ церкви, гдѣ намѣревались его похоронить, звонилъ съ утра до самаго опущенія въ могилу. Обыкновенно собиралось много *священниковъ, дьяконовъ, монаховъ, бѣдняковъ*, ибо въ этой странѣ валаховъ (описывается отпѣваніе въ Тырговиштѣ) пребываетъ несмѣтное число чужеземныхъ священниковъ и дьяконовъ, кои исключительно живутъ подобными покойниками. Всякій (священникъ) приходитъ со своей епитрахилью и книгой, а дьяконъ со стихаремъ. Всѣ присутствующіе дьяконы надѣваютъ свои стихари, и всѣмъ тутъ находящимся, *отъ священниковъ до бѣдняковъ*, раздаются *большія* свѣчи. Архидіаконъ беретъ въ руки кадильницу и кадитъ патріарху, произнося: «благослови, владыко»!... (слѣдуетъ описаніе чина отпѣванія)... При послѣднемъ цѣлованіи нашъ владыка патріархъ прикладывался къ иконѣ, творя крестное знаменіе прежде и послѣ, благословилъ народъ и возвратился на свое мѣсто, прочтя евангеліе надъ головами родственниковъ усопшаго. Потомъ подходили священники по старшинству попарно, одинъ справа, другой слѣва, одновременно дѣлали земной поклонъ прежде и послѣ (цѣлованія), и такъ до послѣдняго. Затѣмъ подходили дьяконы, послѣ нихъ монахи, *подъ конецъ бѣдняки*. Присутствовавшіе тутъ родственники усопшаго стояли по обѣ стороны, и всякій разъ, какъ священникъ прикладывался къ иконѣ, они давали ему милостыню въ расшитомъ платкѣ, каждому по его достоинству, также дьяконамъ, монахамъ и бѣднякамъ. *Затѣмъ подходятъ вельможи*, а за ними прочіе присутствующіе. Потомъ мы пошли предъ похоронными носилками въ церковь: впереди всѣ священники попарно, затѣмъ нашъ владыка патріархъ, а затѣмъ носилки, за коими слѣдовалъ народъ, причемъ пѣвчіе пѣли. Всякій разъ, пройдя небольшое растояніе, клали носилки на землю и становились въ рядъ вокругъ нихъ: дьяконъ, съ кадильницей въ рукѣ, возглашалъ: «помилуй мя Боже» и пр., а нашъ владыка патріархъ чи-

талъ молитву за усопшихъ. Потомъ носилки поднимали и шли дальше. Это не переставали дѣлать, пока не принесли покойника на церковный дворъ къ его могилѣ. *Туть сняли его съ носилокъ*, положили въ гробъ, обитый внутри краснымъ сукномъ, зарыли и ушли» (стр. 129—131).

Роль бѣдняковъ здѣсь яснѣе обрисована: они участвуютъ въ погребеніи наряду съ духовенствомъ, получаютъ при отпѣваніи *большія* свѣчи, какъ и духовенство, послѣднее цѣлованіе мертвому отдають сразу послѣ духовенства и, что всего важнѣе, а, пожалуй, на первый разъ и всего страннѣе,—раньше *вельможъ* и прочихъ присутствующихъ.

Третій разъ Павелъ Алеппскій даетъ описаніе молдавляхійскаго обряда погребенія въ X-й гл. III-й книги, когда говоритъ о похоронахъ господаря Матвѣя, сканчавшагося въ то время.

«Мы нашли усопшаго положеннымъ на столѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ давалъ пиры при торжествахъ: лицо его было открыто по обыкновенію, онъ былъ облаченъ въ царское одѣянье изъ тонкой парчи съ дорогимъ соболемъ, съ петлицами и серебряно-вызолоченными пуговицами. На головѣ его былъ дорогой соболій колпакъ. Весь онъ былъ покрытъ съ головы до ногъ бѣлымъ атласомъ на подобіе савана съ (вытисненнымъ) изъ золота крестомъ. Вокругъ стояли свѣчи. Жены вельможъ плачуть и рыдаютъ надъ нимъ. Нашъ владыка патріархъ, окадивъ его, прочелъ надъ нимъ молитву (возложенія) савана и другія молитвы. Мы пошли впереди: его положили на носилки и понесли на дворъ, гдѣ поставили посрединѣ подъ палаткой. Господарь (новый, киръ Константинъ) сталъ на своемъ тронѣ. Роздали большія свѣчи: сначала *господарю*, потомъ нашему владыкѣ *патріарху, митрополиту, игуменамъ, священникамъ, монахамъ и бѣднымъ, затѣмъ вельможамъ* и всѣмъ присутствующимъ безъ исключенія,* такъ что все окружающее замелькало отъ яркаго свѣта» (стр. 142).—Затѣмъ авторъ подробно описываетъ самый процессъ отпѣванія и похоронъ, что мы опустимъ, какъ неважное теперь для насъ.

Изъ послѣдней выдержки ясно видно, что роль *бѣдныхъ* далеко не незначительна,—что *бѣдные* или *бѣдняки* здѣсь терминъ скорѣе техническаго, чѣмъ общаго значенія,—что эти

бѣдные примыкають къ духовенству, почему они въ церемоніи занимають мѣсто и роль, которыя ставятъ ихъ *преюдѣ* даже вельможъ, не только остальныхъ присутствующихъ. Отсюда ясно, что *бѣдные* приведенныхъ мѣстъ изъ книги Павла Алеппскаго — послѣдняя ступень *духовнаго сословія*, играющаго какую-то роль при погребеніи. Какова же эта роль?

Обратимъ вниманіе на одну подробность молдавскихъ похоронъ: трулъ покойника отпѣвали на носилкахъ, въ гробъ же его клали уже предъ опусканіемъ въ могилу. Является вопросъ, кто же несъ эти носилки?

По-молдавски погребальныя носилки и теперь называются —щѣклы или чѣклы; такъ въ древней Молдавіи назывался особый классъ людей при церквахъ, которые бесплатно и добровольно несли погребальныя обязанности. Ихъ занятія были и привиллегіей, и добровольнымъ подвигомъ. Не представляя ничего общаго съ современными намъ погребальными конторами, институтъ чокловъ скорѣе можно бы было сблизить съ институтомъ сестеръ и братьевъ милосердія на войнѣ, представляя въ своемъ существованіи ту разницу, что классъ чокловъ состоялъ исключительно изъ бѣдняковъ. Какъ показываетъ свидѣтельство Павла Алеппскаго, этотъ институтъ былъ довольно древній въ Молдавіи и Валахіи и нѣсколько привилегированнымъ, какъ и вообще институтъ духовенства. Этотъ институтъ существовалъ и въ Бессарабіи послѣ присоединенія ея къ Россіи и постепенно вывелся по смерти Кишиневскаго митрополита Гавриила, вѣроятно, въ срединѣ минувшаго (19) столѣтія, хотя самое названіе чоклы—гробокопатели удержалось и по настоящее время для вольнонаемныхъ копателей могилъ.

Чтобы освѣтить хоть нѣсколько документальными данными общественное положеніе этого класса людей, мы воспользуемся тѣми случайно попавшими въ древлехранилище Бессарабскаго церковнаго историко-археолог. общества документами, которые обрисовываютъ роль чокловъ въ Молдавіи и у насъ въ Бессарабіи, въ первое время по присоединеніи ея къ Россіи. Прежде всего заслуживаетъ вниманія копія отношенія Веніамина, епископа Гушкаго, къ сардарямъ Ориѣвскимъ отъ 15 іюля 1793 года, въ которомъ онъ проситъ послѣднихъ о поддержкѣ,

института чокловъ. Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ, сохраняя подлинный текстъ.

«Божією милостію Веніаминъ, епископъ Гушскій. Поелику и въ городѣ Кишиневѣ, находящемся въ Лопушнянскомъ цынутѣ, существуетъ классъ людей, именуемыхъ чоклами, учрежденный на основаніи княжескаго хрисова, хранящагося и понынѣ въ Гушской епископіи нашей, и состоящій по оному изъ 20-ти человѣкъ, выключая старосты; и какъ оный классъ, бывъ уже приведенъ въ дѣйствиіе, т. е. къ исполненію должности, ввѣренной ему для погребенія бѣдныхъ, безпріютныхъ, а равно и всѣхъ вообще людей,—по разнымъ случившимся переменамъ обстоятельствъ разстроены до того, что отъ онаго осталось не болѣе 3-хъ человѣкъ, которыхъ для онаго недостаточно, судя по столь затруднительной должности: то для того по долгу ввѣренной намъ паствы, не желая притомъ отступить отъ благихъ и древнихъ обычаевъ, каковыя соблюдаемы были и при бывшихъ до насъ преосвященныхъ епископахъ Гушскихъ, мы соотвѣтственно постановленію хрисова, пока оный классъ людей надлежащимъ образомъ устроили, соображаясь между прочимъ съ тѣмъ, какъ оный устроенъ и въ другихъ городахъ, и опредѣлили къ оному старостою Константина Кантарашія, человѣка богобоязненнаго, коему и ввѣрили оный съ тѣмъ, чтобы онъ наблюдалъ за онымъ, со всякою рачительностію и благоприличіемъ по силѣ даннаго ему предписанія, обязавъ его притомъ, дабы онъ выискалъ для составленія упомянутаго класса около 20 человѣкъ, однакожъ такихъ, кои бы были безпріютны и безъ всякаго *бѣра* (т. е. подати), а сверхъ того освобождены отъ всѣхъ податей страны сей, каковыя только налагаются на прочихъ жителей, дабы тѣмъ удобнѣе могли они отправлять свою должность, особенно же во время моревого повѣтрія, отъ котораго да сохранить насъ Господь (какъ и во хрисовѣ предписывается). Вслѣдствіе же сего мы просимъ и васъ, г. г. сардарей Оргѣвскихъ, дабы и вы съ своей стороны обезпечили таковыхъ людей и освободили ихъ отъ всего, а притомъ всеможно старались бы поддержать таковой классъ людей, который учрежденъ для всеобщаго блага—и это послужить вамъ въ честь и вѣчную память.—1793 іюля 15. (М. П.) Веніаминъ, епископъ Гушскій».

Изъ приведеннаго документа видно, что чоклы, по древнему обычаю и на основаніи княжескаго хрисова, освобождались отъ *бира* и всѣхъ податей. Чтобы дать представленіе о *бирѣ* и положеніи чокловъ по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи, обратимся къ Уставу образованія Бессарабской области, сочиненному и представленному на Высочайшее утвержденіе генераль-лейтенантомъ Бахметевымъ, одобренному Императоромъ Александромъ I и введенному съ 1818 года.

По этому уставу «жители Бессарабской области раздѣляются на слѣдующія состоянія: 1) духовенство, 2) дворянство, 3) бояринашей, 4) мазыловъ, 5) рупташей, 6) купцовъ и мѣщанъ, 7) царанъ или поселянъ земледѣльцевъ, 8) цыганъ, принадлежащихъ коронѣ и помѣщикамъ и 9) евреевъ» (16 стр.). Изъ числа указанныхъ состояній первыя три сословія по уставу считаются привилегированными (бояринаши—классъ недворянскаго происхожденія, не достигшій высшихъ боярскихъ должностей, но получившій низшіе чины до вель-шатраря), свободными отъ тѣлесныхъ наказаній и платежа *всѣхъ вообще* казенныхъ и общественныхъ податей (не освобождались отъ платежа налоговъ, извѣстныхъ подъ именемъ *гоштини*, *вадрарита* и десятины, если хозяйственныя операціи превосходили опредѣленное нормальное количество, освобожденное отъ налоговъ по учрежденіи молдавскаго правительства); мазылы же и рупташи (послѣдніе—дѣти духовенства, не пошедшіе въ священнослужители) также причисляются къ привилегированному сословію и освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія, но платятъ казнѣ подать, извѣстную подъ названіемъ *дажди*, участвуютъ въ земскихъ повинностяхъ и платятъ налогъ *гоштини* (налогъ съ овецъ), *вадраритъ* (налогъ съ вина) и *погонаритъ* (налогъ съ табаку). Купечеству и мѣщанству принадлежали права свободной торговли, а царане, сохраняя права личной независимости отъ владѣльцевъ земель, на которыхъ они жили, обязаны были, даже живя на собственныхъ своихъ земляхъ, платить казнѣ подать подъ названіемъ *бира* и сборы по земской повинности, какъ то: на содержаніе войскъ, почты, поддержку трактовыхъ дорогъ и пр. Казенные цыгане, т. е. жившіе на казенныхъ земляхъ, обязаны были платить подать подъ названіемъ *дажди*. Такимъ образомъ, подать подъ названіемъ *бира* взималась только отъ

царанъ (см. 17—21 стр. «Устава» области).— Чоклы, какъ особое состояніе, въ проектѣ устава Бессарабской области не указаны, и права ихъ не опредѣлены, между тѣмъ, по давнему обычаю и учрежденіямъ Молдавіи, они должны были попасть въ число привилегированныхъ, именно духовныхъ лицъ области, такъ какъ были свободны отъ всякаго *бюра* и податей. Неопредѣленное юридическое положеніе чокловъ при новомъ, т. е. русскомъ правительствѣ, послѣ утверженія «Устава Бессарабской области», скоро выяснилось и возбудило переписку. Чоклы подали заявленіе Гавріилу, митрополиту Кишиневскому и Хотинскому, прося войти въ ихъ положеніе, и духовенство, къ которому чоклы видимо причисляли себя, рѣшилось поддержать ходяйство чокловъ, домогавшихся древнихъ привилегій своихъ.

Въ древлехранилищѣ Бессарабскаго Церковнаго историко-археологическаго общества сохранилась копія отношенія Кишиневскаго владыки, преемника Митрополита Гавріила, архіепископа Димитрія, адресованнаго, надо думать, намѣстнику Бессарабской области, которымъ въ то время былъ ген. лейт. А. Н. Бахметевъ послѣдовавшаго въ отвѣтъ на отношеніе его отъ 2-го сентября 1822 года, по поводу представленія ему сдѣланнаго Бессарабскимъ Областнымъ Правительствомъ. Къ сожалѣнію, эта копія не датирована, хотя ея содержаніе даетъ ясныя указанія насчетъ времени написанія и лицъ, къ которымъ былъ адресованъ подлинникъ. Это обстоятельство вынуждаетъ насъ привести копію отношенія полностью.

„Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь!

Почтеннѣйшее отношеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 2-го сентября сего 1822 года за № 4549, послѣдовавшее ко мнѣ съ powodu представленія Бессарабскаго Областнаго Правительства о чоклахъ, о которыхъ Ваше Высокопревосходительство между прочимъ такъ отзываетесь: „Что за силою постановленія Правительствующаго Синода, Высочайше утвержденнаго въ 21 день апрѣля 1813-го года, въ коемъ положено всѣмъ священникамъ, діаконамъ, дьячкамъ и пономарямъ рукоположеннымъ, быть свободными какъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и общественныхъ повинностей, такъ отъ прочихъ сборовъ, какъ то гоштины и тому подобнаго, каковымъ правомъ пользуются ста-

рые и дряхлые церковнослужители и вдовы; насчетъ же того, чтобы гробокопатели были свободны отъ всего вышеупомянутого, ничего не сказано: Ваше Высокопревосходительство не находите возможнымъ согласиться на освобожденіе гробокопателей по Бессарабской области отъ платежа гоштины и другихъ подобныхъ сборовъ, тѣмъ болѣе, что Областное Правительство представляетъ таковыя сборы взимаемыми и въ прошедшее время съ сего класса людей по молдавскому обычаю—я имѣлъ удовольствіе получить и на изложенные въ ономъ пунктѣ, не вмѣшиваясь въ дальнѣйшія общественныя распоряженія, честь имѣю представить Вашему Высокопревосходительству нижеслѣдующія обстоятельства: 1-е. Изъ прилагаемой при семъ копіи съ грамоты преосвященнаго Веніамина, епископа Гушскаго, Ваше Высокопревосходительство ясно усмотрѣть можете, что извѣстный классъ людей, именуемыхъ чоклами, существуетъ изревле на основаніи Молдавскихъ правъ и обычаевъ и учрежденъ здѣсь по силѣ княжескаго хрисова, хранящагося и понынѣ въ Гушской епископіи; и что сей, составляемый изъ самобѣднѣйшихъ людей классъ, такъ какъ необходимѣйшій для общественнаго блага, всегда былъ свободенъ отъ всѣхъ вообще податей и налоговъ по силѣ онаго же хрисова. 2-е. Хотя неоспоримо, что въ вышеизложенномъ постановленіи Правительствующаго Синода ничего не сказано насчетъ того, чтобы гробокопатели освобождены были какъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, такъ равно и отъ прочихъ сборовъ: но, взявъ во вниманіе то, что здѣшнему краю, то есть, всѣмъ классамъ здѣшнихъ обывателей, дарованы древніе его права и обычаи,—изъ онаго упущенія Бессарабскому Областному Правительству никакъ не слѣдовало заключать, что *бѣдные* сіи люди, снабженные притомъ собственными правами, должны по всѣмъ отношеніямъ подлежать уломянутымъ налогамъ,—ибо по утвержденнымъ древностію правамъ и обычаямъ какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахії, гробокопатели, (какъ сіе объясняется вышеозначенною грамотою), *состоя въ вѣдѣніи духовнаго начальства*, никогда не подлежали никакимъ земскимъ повинностямъ. И ежели въ ономъ объ нихъ не сказано, то это, можетъ быть, потому, что не было нужды упоминать болѣе о томъ и утверждать необходимость того, что подтверждено временемъ и не подлежитъ со-

мнѣнію,—а потому весьма странно и даже не простительно Областному Правительству не вникать въ сущность отечественныхъ узаконеній и изыскивать средства для нарушенія оныхъ: но сіе дѣйствіе не иному чему приписать должно, какъ только одной жадности откупщика гоштины, которому Областное правительство рѣшилось безпрекословно потворствовать. 3-е. Бессарабское Областное Правительству въ ономъ же представленіи своемъ къ Вашему Превосходительству между прочимъ изъясняетъ, что гробокопатели по обычаю молдавскому отъ платежа гоштины изъяты не бывали, а платили таковыя сборы во все время до сихъ поръ.—Что въ древнія времена гробокопатели свободны были отъ всякихъ сборовъ и гоштинъ, выше сіе показано; что же касается до новѣйшихъ временъ, то сіе еще удобнѣе доказать можно. Стоитъ только прочесть прежнія насчетъ сего пункта соглашенія, во пѣрвыхъ, бывшаго губернатора Стурдзы, а затѣмъ управляющаго сею областію г. инженера генераль-маіора Гартинга и г. полномочнаго намѣстника генераль-лейтенанта Бахметева—и неосновательность сего положенія сама собою обнаружится.

Остается теперь бросить внимательный взоръ на образъ жизни и занятія сего класса людей. *Извѣстно* уже изъ предыдущаго, что сей родъ людей избирается изъ самыхъ бѣдныхъ жителей. Онъ не пользуется никакимъ жалованьемъ и лишень всякой награды, весь же достатокъ и капиталъ его зависитъ отъ доброхотнаго на кладбищѣ подаянія. Положимъ, что достаточные щедро награждаютъ труды ихъ. Но сколько тысячъ умираетъ такихъ, которыхъ они обязаны погребать безъ всякой платы? Сего уже довольно, чтобы представить положеніе ихъ достойнымъ состраданія и признательности. Что же касается до ихъ должности, то она по своей затруднительности не менѣе уважительна: ибо *копать безъ всякой отговорки ямы, носить мертвыя тѣла въ церкви, а оттуда на кладбище и погребать безъ разбора всѣхъ въ какое бы то ни случилось время, поднимать на улицы больныхъ и странннхъ и содержать ихъ до выздоровленія въ своемъ домѣ, въ случаѣ же смерти погребать ихъ на свой счетъ, сверхъ того подвергаться всѣмъ опасностямъ, какъ сіе доказали бѣдные чоклы въ 1812-мъ году во время чумной заразы,—это подвигъ, на кото-*

рый не всякій поохотится: и хотя въ здѣшнемъ городѣ*) находится такихъ тружениковъ 51, но судя по значительному здѣшнему народонаселенію и по количеству церквей, сіе число кажется весьма умѣренно.

Между прочимъ не упустимъ изъ виду и того, что, если позволить взывать съ сихъ *бѣдныхъ* людей неисключительно всякія подати, то есть, лишать ихъ и послѣдней собственности, то, вѣроятно, послѣ того ни одинъ изъ нихъ не согласится болѣе переносить столь горькую участь (какъ они сами въ поданныхъ покойному Преосвященному Ексарху прошеніяхъ сіе утверждаютъ), а чрезъ то общество подвергнется великимъ затрудненіямъ и принуждено будетъ понести значительныя издержки, особливо въ зимнее время, когда и за 20 левовъ**) не можно уговорить вольнаго работника вырыть яму. Не вникая въ дальнѣйшія ихъ обстоятельства, по моему мнѣнію, сіе одно даетъ имъ полное исключительное право на освобожденіе себя отъ всѣхъ вообще налоговъ и гоштины. Впрочемъ, все сіе остается на благораспоряженіе Вашего Высокопревосходительства».

Горячая защита правъ и привилегій чокловъ, судя потому, что институтъ ихъ давно прекратилъ свое существованіе и въ Кишиневѣ и во всей Бессарабіи, не привели къ желательному результату, столкнувшись не столько съ жадностью откупщиковъ казенныхъ податей, какъ объ этомъ гласить вышеприведенное отношеніе бессарабскаго архіепископа, сколько съ нелегальностью самаго этого института съ точки зрѣнія юридическаго положенія россійскаго духовенства. Изложеніе добровольно принятыхъ на себя чоклами обязанностей, данное въ вышеприведенномъ отношеніи архіепископа Димитрія, рисуетъ такую сумму добра, приносимую институтомъ чокловъ, не требовавшимъ отъ общества взаменъ того никакихъ пособій, кромѣ освобожденія отъ податей и налоговъ, что институтъ этотъ несомнѣнно заслуживалъ поддержки. Эпитетъ *бѣдные*, встрѣчающійся нѣсколько разъ въ вышеприведенномъ отношеніи архіепископа Димитрія, явно характерный для чокловъ, сближаетъ этотъ институтъ съ классомъ *бѣдныхъ*, участниковъ погребенія, о которыхъ говоритъ Павелъ Алеппскій въ выше-

*) Т. е. Кишиневѣ.

**) Левъ—10 коп.

приведенныхъ нами отрывкахъ его «Путешествія»... Значить, и самая древность этого института въ румынскихъ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи, должна была бы располагать правительство къ тому, чтобы онъ былъ поддержанъ и въ новоприсоединенной къ Россіи Бессарабіи. Но все дѣло въ данномъ случаѣ прогорѣло изъ-за того, что по Высочайше утвержденному докладу Св. Синода отъ 21 августа 1813 г. № 25. 441 «Объ устройствѣ епархіи Кишиневской и Хотинской» (см. Полное Собрание законовъ Россійской Имперіи, т. XXXII, стр. 613—619) освобождены были отъ всѣхъ казенныхъ податей и общественныхъ повинностей въ качествѣ лицъ духовнаго сословія только священнослужители, діаконы, дьячки и пономари, причемъ въ этомъ указѣ сказано: «даровать имъ свободу и отъ всѣхъ казенныхъ же пошлинныхъ и десятинныхъ сборовъ съ собственнаго имъ хлѣбопашества, садоводства, скотоводства и пчеловодства *безограниченія* и такъ, какъ правомъ симъ и преимуществомъ пользуется вообще русское духовенство». О чоклахъ же, что они принадлежать къ духовенству, въ указѣ не было сказано ни слова. Между тѣмъ институтъ чокловъ, какъ лицъ, принадлежащихъ къ духовенству, существовалъ не только въ средѣ православнаго духовенства, но и въ средѣ армянскаго духовенства, которое тоже домогалось привиллегій, какія даны были греко-россійскому духовенству въ Бессарабской области. Что, дѣйствительно, армянское духовенство къ своему сословію причисляло и гробокопателей, это ясно можно видѣть изъ официальныхъ бумагъ этого духовенства, поданныхъ тогдашнему бессарабскому правительству въ 1823 и 1824 годахъ по поводу освобожденія армянскаго духовенства, наравнѣ съ грекороссійскимъ, отъ пошлыны, извѣстной подъ именемъ *вадраритъ*, т. е. пошлыны съ различныхъ продуктовъ садоводства.

Въ Архивѣ К. Губ. Правленія хранится дѣло отъ 19 декабря 1823 г. Бессарабскаго областнаго Совѣта (см. связку 6, № 49) «Объ освобожденіи армянскаго духовенства отъ вадарита, наравнѣ какъ и грекороссійское отъ сего освобождается». На листахъ 8—9 этого дѣла находится ходатайство армянскаго архіепископа Бессарабіи Григорія отъ 30 января 1824 къ графу Воронцову объ освобожденіи армянскаго духовенства отъ платежа десятины и вадарита наравнѣ съ греко-

россійскимъ духовенствомъ и въ немъ данъ перечень числа лицъ низшаго армянскаго духовенства въ Бесс. губ: «Число духовенства, кромѣ священнослужителей, есть: въ Кишиневѣ: дьячковъ 2, пономарь 1, гробокопателей 8. Въ Хотинѣ: дьячковъ 1, пономарь 1. Въ Оргѣевѣ: дьячковъ 2, пономарь 1, гробокопателей 4. Въ Аккерманѣ: дьячковъ 3, пономарь 1, гробокопателей 6. Въ Измаилѣ: дьячковъ 2, пономарь 1, гробокопателей 4».

По представленію Бессарабскаго областного Правительства въ Бессарабскій Верховный Совѣтъ, состоялось постановленіе Верх. Совѣта, благоприятное для армянскаго духовенства.

На листѣ 11-мъ вышеуказаннаго «Дѣла» Губернскаго Правленія читаемъ слѣдующее: „1824 г., февраля 8 дня. По указу Его Императорскаго Величества, въ совѣщательномъ засѣданіи Бессарабскаго Церковнаго Совѣта, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Господина полномочнаго Намѣстника, трактовано было отношеніе Преосв. Григорія, Архіепископа бессарабскихъ армянъ, коимъ Его Преосвященство жалуется Господину полномочному Намѣстнику, что съ нѣкотораго времени, а именно съ 1821 года, *по случаю отдаванія вина на откупъ*, здѣшнее начальство въ кондиціяхъ своихъ съ откупщикомъ исключило только одного его отъ платежа дежмы и вадрарита, а священно и церковно-служителей армянскихъ обязало нести сію тягость наравнѣ съ обывателями; духовенство же грекороссійское съ причетниками отъ сего освобождено. А потому Архіепископъ Григорій проситъ объ уравниніи по сему предмету выгодъ Армянскаго духовенства съ грекороссійскимъ. По такому поводу Верховный Совѣтъ обратился къ разсмотрѣнію правилъ, на коихъ основано собираніе въ казну дохода съ виноградныхъ садовъ. Сей сборъ раздѣляется на два слѣдующіе рода: вадраритъ, дежму, или десятину. Вадраритъ есть денежная подать прямо одной казнѣ принадлежащая, всѣхъ хозяева садовъ, на казенныхъ и помѣщичьихъ земляхъ разведенныхъ, исключая привилегированныхъ классовъ народа, платятъ вадраритъ, ежегодно по четыре пары*) съ ведра вина; дежма же, или десятина, есть доходъ, принадлежащій владѣльцамъ земель: по правамъ и обычаямъ молдавскимъ, люди, живущіе на земляхъ помѣщичьихъ, со всѣхъ произрастаній своихъ и въ томъ числѣ съ фруктовъ и винограда, даютъ десятую

*) Пара — молдавская монета, была равна 1¹/₂ коп.

часть помѣщикамъ. А какъ вся почти земля въ трехъ цынутахъ Бендерскомъ, Аккерманскомъ и Измаильскомъ принадлежитъ казнѣ, гдѣ жители развели фруктовые и виноградные сады, то сборъ десятой части со всѣхъ прозябаній той земли и въ томъ числѣ съ фруктовъ и винограднаго вина поступаетъ въ казну и отдается ежегодно на откупъ, а хотя вадрарить такъ отдается на откупъ, но въ нѣкоторыхъ годахъ, по причинѣ малой цѣны, даваемой откупщиками, сія подать собиралась въ казну прямо изъ первыхъ рукъ чрезъ коронныхъ чиновниковъ. Кондиціи всѣхъ годовъ на оба сіи откупа были одинаковы: 1-й пунктъ оныхъ, на которомъ должно основано быть разрѣшеніе сего предмета, гласитъ такъ: «Отъ платежа вадрарита—за вино, собираемое съ собственныхъ виноградныхъ садовъ, въ Бессарабіи находящихся, свободны суть: А) Преосвященный Архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій, Архіепископъ же бессарабскихъ армянъ Григорій, какъ и всѣ находящіеся въ области священно и церковнослужители и вдовы ихъ, сообразно имѣющемуся въ правительствѣ на сей предметъ Высочайшему Указу», и точно таковая же сила перваго пункта кондицій на дежму»... «Слѣд., если съ 1821 г. они къ тому принуждены были, то сіе произошло отъ злоупотребленія откупщиковъ, а не отъ воли начальства»... На основаніи этихъ данныхъ и состоялось распоряженіе Бессарабскаго Церковнаго Совѣта о томъ, чтобы въ кондиціи объ отдачѣ на откупъ дежмы и вадрарита были добавлены слова, ясно обозначающія, что армянское духовенство свободно отъ этихъ податей.

Изъ этого дѣла съ очевидностью слѣдуетъ, что и армянское духовенство причисляло гробокопателей къ своему сословію, хотя, какъ можно думать, и не добилось ихъ освобожденія отъ податей наравнѣ съ остальными клириками.

Вѣроятно, что только съ 1821 года, когда почти всѣ казенные доходы были отданы на откупъ, стало выясняться нелегализованное положеніе чокловъ въ средѣ духовенства, что и повело въ концѣ концовъ къ уничтоженію этого института въ Бессарабіи.

Василій Курдиновскій.

Нѣкоторое сужденіе

*по поводу событій, бывшихъ 14, 15, 16 января т. г.
въ Кишиневской Духовной Семинаріи.*

Печальныя событія, происшедшія 14, 15, 16 января въ нашей семинаріи, произвели потрясающее впечатлѣніе на духовенство епархіи. Еще болѣе гнетуще подѣйствовало распоряженіе Св. Синода объ увольненіи учениковъ 5 классовъ навсегда. У всѣхъ является вопросъ,—что дѣлать съ этими отщепенцами? Вѣдь около 400 душъ подростковъ выброшено на улицу, да еще улицу деревенскую, гдѣ царствуютъ одна только грязь и темнота. А всѣ эти подростки жаждутъ свѣта, гдѣ же они его найдутъ? Неужели надо считать ихъ пропащими для жизни? Содрагаешься при мысли, что эти 400 исключенныхъ станутъ тайными пропагандистами земли и воли среди прихожанъ, многіе изъ нихъ могутъ пойти по завѣтной Владимірской.

Чѣмъ же объяснить такое неожиданное, изъ ряда обыкновеннаго выходящее, явленіе въ нашей семинаріи? И въ наше время въ 70—80 годахъ въ семинаріи бывали вспышки, но ихъ приписывали «мальчишеству», и тѣмъ заканчивалось. А теперь по послѣдствіямъ вышло что-то ужасное.

Большинство духовенства объясняетъ эти явленія общимъ государственнымъ нестроеніемъ, обрушившимся подконецъ и на нашу alma mater. Конечно, это правильно, но я посильно желаю указать еще на одну причину. Эту причину я нахожу въ воспитаніи нашего молодого духовнаго юношества. Воспитательная часть въ нашихъ семинаріяхъ очень страдаетъ. Обращается очень много вниманія на пріобрѣтеніе учениками познаній, схоластическихъ ученій, латыни и эллинизма, а о внушеніи благородныхъ, возвышенныхъ чувствъ мало кто заботится. Какое воспитаніе получилъ въ дѣтствѣ у своего очага—родителей и какое получаетъ тамъ же съ совершеннолѣтіемъ—такое и остается у молодого духовнаго питомца на всю жизнь. Семинарія не даетъ ему достаточнаго воспитанія. А какое воспитаніе молодой духовный юнецъ получаетъ у своихъ родителей? Пріемлю дерзость

высказаться—почти одно недовольство. Что онъ видитъ у своихъ родителей въ деревнѣ, въ глуши? Вѣчную бѣготню родителя за грошемъ, вѣчное пререканіе съ прихожанами изъ за этого гроша, изъ за этого же гроша и кляузы, и суды, и что угодно. Подпадешь подъ слѣдствіе изъ за этого гроша—являются злорадство сотоварищей и усмѣшки прихожанъ. Подконецъ черствѣешь и дѣлаешься недовольнымъ. Есть счастливыя—батюшки, которые разѣзжаютъ въ экипажахъ на рысакахъ, но это—исключеніе, и это исключеніе еще больше развиваетъ общее недовольство. Да дѣти такихъ батюшекъ большею частью поступаютъ въ свѣтскія учебныя заведенія. Изъ за насущнаго хлѣба батюшка поглощается хозяйствомъ и о духовной пищѣ некогда ему подумывать. Пошли неурожай, убытокъ въ хозяйствѣ—опять недовольство. Не угодилъ батюшка какому нибудь кулаку, въ родѣ того, чтобъ не прописать его сына въ очередномъ спискѣ по отбыванію воинской повинности и затереть его въ метрикахъ, или же не угодилъ чѣмъ нибудь сельскому писарю, и пошли доносы, дознанія, отписыванія и. т. д. Не развиваетъ ли все это въ батюшкѣ недовольство? Далѣе, семейныя неурядицы, несчастья, переводы и т. д., въ краткой замѣткѣ и не перечесть всего. Довольно и этого для чуткой, впечатлительной души ребенка. Не заражается ли онъ этимъ недовольствомъ? Вѣдь очень естественно, что *tabula rasa* воспринимаетъ все. И вотъ, такой духовный юнецъ поступаетъ съ заброшенной въ его душу каплею недовольства въ духовную школу. Тутъ его сразу встрѣчаетъ отчаянная зубристика почти всего. Помню одного своего учителя, который, при заучиваніи его листовъ, слѣдилъ—остановишься ли на проставленной въ листкѣ точкѣ, или нѣтъ. Если не останавливался, то онъ, стуча, шагаль по классу, а если останавливался на его точкѣ, то и онъ останавливался и при дальнѣйшемъ чтеніи зазубреннаго начиналъ шагать по классу, только уже на цыпочкахъ. За такую отчеканенную зубрежку ученикъ получалъ высшій баллъ и намѣчался въ кандидаты Академіи. Если нѣтъ живого преподаванія предмета, то юнецъ выйдетъ, я думаю, недовольный, въ немъ уже раньше зародышъ недовольства есть. А

дальше нерѣдкое недоѣданіе, отсутствіе сердечности, теплоты, чисто формальное, подчасъ деспотическое отношеніе старшихъ— все это увеличиваетъ недовольство. Когда юнецъ не видитъ всему этому конца, онъ черствѣетъ, дѣлается недовольнымъ, становится себялюбцемъ. Малѣйшее замѣчаніе—и онъ негодуетъ и при удобномъ случаѣ открыто выражаетъ свое негодованіе. Да, не легкая задача перевоспитать такого юнца!

Все таки духовенство епархіи лелѣетъ надежду, что, послѣ ревизіи, Св. Синодъ смилуется и смягчитъ свое постановленіе.

Священникъ *Алексѣй Солярскій*.

Къ развитію пчеловодства въ Бессарабіи.

(Вниманію духовенства).

На страницахъ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостей (№ 17-й за 1908 г.) появилась статья молодого пчеловода священника Давида Манолеско съ приглашеніемъ, обращеннымъ къ духовенству епархіи, заводить пасѣки и вообще содѣйствовать развитію пчеловодства въ Бессарабіи. Убѣжденный въ несомнѣнной пользѣ пчеловодства, молодой пчеловодъ о. Д. Манолеско въ своей статьѣ довольно подробно и обстоятельно говоритъ о пчеловодствѣ, о положеніи дѣла пчеловодства въ другихъ странахъ— въ Америкѣ, Швейцаріи, Англии, Франціи и др., о несомнѣнной пользѣ занятія пчеловодствомъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ; представляетъ авторъ свѣдѣнія изъ своей практики по занятію пчеловодствомъ, излагаетъ программу начала занятій пчеловодствомъ для новичковъ, желающихъ заняться пчеловодствомъ. Заканчиваетъ о. Д. Манолеско свою статью обращеніемъ къ духовенству и пчеловодамъ Бессарабіи съ призывомъ объ объединеніи, причѣмъ проситъ убѣдительно пчеловодовъ бессарабскихъ высказаться по разсматриваемому вопросу.

О. Д. Манолеско пишетъ: «Желающимъ начать это благое и благородное занятіе скажу: «Богъ въ помощь! Съ добрымъ началомъ! Старикамъ же пчеловодамъ (пастырямъ, псаломщикамъ и всѣмъ вообще пчеловодамъ Бессарабіи) скажу. «Объединяйтесь, пчеловоды Бессарабіи, образуемъ Бессарабское общество пчеловодства, образуемъ складъ продуктовъ пчеловодства, что

дать всякому возможность съ прибылью сбывать непосредственно потребителю продукты пчеловодства, что будетъ выгодно и для покупателей, и для насъ, пчеловодовъ. Въ Петербургѣ въ прошломъ году образовалось «Всероссійское общество пчеловодства и плодоводства», которое задалось цѣлью объединить пчеловодовъ всей Россіи и облегчить имъ сбытъ продуктовъ пчеловодства, а также поднять пчеловодное дѣло, находящееся теперь почти въ упадкѣ, на должную высоту.

Будучи вполне убѣждены въ полномъ сочувствіи духовенства нашей епархіи развитію пчеловодства въ Бессарабіи и надѣясь на живой откликъ со стороны пчеловодовъ, которыхъ есть не мало въ Бессарабіи и среди духовенства, находимъ благовременнымъ и необходимымъ по вопросу объ объединеніи бессарабскихъ пчеловодовъ, также и садоводовъ (изъ среды духовенства) и о развитіи пчеловодства и садоводства въ нашей губерніи—изложить слѣдующее.—

Кишиневское епархіальное свѣчное управленіе, имѣющее предметомъ своего вѣдѣнія изготовленіе и продажу церковныхъ свѣчъ изъ *пчелинаго воска*, самымъ положеніемъ своимъ призывается принять самое живое участіе въ организаци «Бессарабскаго общества пчеловодства» и къ возможному содѣйствію въ дѣлѣ развитія пчеловодства въ епархіи. Свѣчное управленіе, получивъ свѣдѣнія объ образованіи въ 1907 году въ С.-Петербургѣ «Всероссійскаго общества пчеловодства и садоводства», вступило въ переписку съ предсѣдателемъ этого общества о цѣляхъ и задачахъ общества, объ отношеніи общества къ нуждамъ пчеловодства и садоводства по отдѣльнымъ губерніямъ, объ организаци отдѣленій общества по губерніямъ и проч.

Изъ веденной съ предсѣдателемъ общества переписки и изъ полученнаго отъ него печатаннаго устава общества—видно, что въ С.-Петербургѣ, на Удѣльной, по Костромскому просп. № 44, съ разрѣшенія главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, основано „Всероссійское общество пчеловодства и садоводства“. Предсѣдателемъ новаго общества состоитъ извѣстный специалистъ Л. М. Редько, многократно объѣзжавшій Россію, въ томъ числѣ и нашу губернію, частью съ цѣлью ознакомленія съ состояніемъ пчеловодства и садоводства, а частью по ко-

мандировкамъ министерства Земледѣлія для чтенія лекцій и въ качествѣ эксперта по пчеловодству.

Задачи общества весьма широки, какъ видно изъ помѣщаемыхъ ниже нѣсколькихъ § § устава. Общество состоитъ въ вѣдѣніи Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія; членами его могутъ быть всѣ мужскаго и женскаго пола лица, занимающіяся или интересующіяся отраслями хозяйства: пчеловодствомъ, садоводствомъ и плодоводствомъ. Для поступленія въ дѣйствительные члены надо заявить объ этомъ въ Правленіе Общества и внести годичный взносъ два рубля и еступительный единовременно не менѣе одного рубля: тотъ же, кто внесетъ единовременно двадцать пять рублей, считается пожизненнымъ членомъ и ежегодныхъ платежей (по 2 руб.) уже не вноситъ. Члены общества участвуютъ въ собраніяхъ общества, обращаются къ посредничеству общества для сношенія съ учрежденіями и лицами по предметамъ пчеловодства и садоводства, поручаютъ для продажи на комиссіонныхъ началахъ продукты своихъ пасѣкъ и садовъ и пользуются музеемъ и библіотекою общества, а равно для научныхъ цѣлей пасѣкою, садомъ и огородомъ.

Цѣль общества по преимуществу научно—практическая, при обществѣ справочный отдѣлъ по всѣмъ вопросамъ сельскаго хозяйства; всякаго рода справки, совѣты и указанія даются бесплатно, на письменные отвѣты должна быть приложена 7 коп марка.

Принимая во вниманіе 30 лѣтнюю опытность предсѣдателя его предыдущую дѣятельность и составъ правленія, можно надѣяться, что общество вполне оправдаетъ возлагаемая на него уставомъ обязанности.

Уставъ Всероссийскаго общества пчеловодства и садоводства утвержденъ 15 апрѣля 1907 года.

Въ уставѣ общества изложено о цѣли общества, членахъ его, о правленіи и проч. слѣдующее¹⁾:

§ 1. Учреждаемое въ С.-Петербургѣ Всероссийское Общество пчеловодства и садоводства имѣетъ цѣлью распространеніе среди населенія правильныхъ свѣдѣній по пчеловодству и садоводству, какъ преимущественно промышленнымъ отраслямъ сель-

¹⁾ Приводимъ нѣкоторые §§ изъ устава общества.

скаго хозяйства, а равно содѣйствіе по сбыту продуктовъ пчеловодства и садоводства.

§ 2. Для достиженія этихъ цѣлей Общество: а) устраиваетъ опытныя станціи, образцовыя и учебно-показательныя пасѣки, сады и питомники плодовыхъ деревьевъ, медоносныхъ и т. п. растений, школы, курсы, публичныя чтенія, лекціи по пчеловодству и садоводству, выставки предметовъ и продуктовъ пчеловодства и садоводства и демонстрированіе разнаго рода принадлежностей, инструментовъ и коллекцій по этой отрасли хозяйства; б) созываетъ періодически собранія своихъ членовъ, посвящаемыя обсужденію вопросовъ, входящихъ въ кругъ дѣятельности Общества; в) выпускаетъ свои труды въ видѣ періодическихъ изданій или сборниковъ и разнаго рода сочиненія по предметамъ своей дѣятельности; г) выдаетъ за заслуги и успѣхи по пчеловодству и садоводству преміи, въ видѣ дипломовъ, медалей, похвальныхъ листовъ и другихъ наградъ и назначаетъ конкурсы по тѣмъ или инымъ вопросамъ этихъ отраслей хозяйства; д) собираетъ статистическія свѣдѣнія и изучаетъ положеніе пчеловодства и садоводства; е) снаряжаетъ передвижныя выставки и устраиваетъ экскурсіи какъ для обозрѣнія хозяйствъ своихъ членовъ, такъ и для всякаго рода изслѣдованій по пчеловодству и садоводству; ж) вырабатываетъ наиболѣе правильные способы пасѣчнаго и садового хозяйства, производя испытанія пріемовъ, принятыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и за границу, способствуя правильному устройству пасѣкъ и садовъ полезными указаніями и рекомендаціями пчеловодовъ и садовниковъ; з) принимаетъ посредничество по снабженію пчеловодовъ и садоводовъ необходимыми для веденія этихъ отраслей хозяйства предметами и по сбыту произведеній ихъ хозяйства, открывая съ этою цѣлью справочно-комиссіонныя бюро, склады орудій и принадлежностей пчеловодства и садоводства, а также продуктовъ пасѣчныхъ и садовыхъ хозяйствъ и издѣлій изъ нихъ.

§ 3. Рисунокъ выдаваемыхъ Обществомъ медалей утверждается Главнымъ Управленіемъ землеустройства и земледѣлія

§ 4. При расширеніи своей дѣятельности Общество можетъ образовывать въ своей средѣ спеціальныя по предметамъ своей дѣятельности комитеты и, съ разрѣшенія мѣстныхъ губернаторовъ, открывать мѣстные отдѣлы, а также содѣйствовать уч-

реженію товариществъ по производству и сбыту пасѣчныхъ и садовыхъ продуктовъ и издѣлій изъ оныхъ и само учреждать въ установленномъ порядкѣ такого рода товарищества.

Примѣчаніе. Права и обязанности мѣстныхъ отдѣловъ, а также специальныхъ комитетовъ опредѣляются самимъ Обществомъ въ предѣлахъ настоящаго устава. Общество имѣетъ право самостоятельнаго закрытія отдѣловъ и комитетовъ; но о такомъ закрытіи, равно какъ и объ открытіи отдѣловъ и комитетовъ, Общество доводитъ до свѣдѣнія губернатора и департамента земледѣлія.

§ 6. Общество представляетъ Главному Управленію землеустройства и земледѣлія о нуждахъ отечественныхъ пчеловодства и садоводства, сносится по своимъ дѣламъ съ правительственными, земскими и общественными учрежденіями и лицами и ходатайствуетъ предъ Главнымъ Управленіемъ землеустройства и земледѣлія о предоставленіи почетныхъ наградъ за особую полезную дѣятельность по означеннымъ отраслямъ хозяйства.

§ 7. Общество состоитъ въ вѣдѣніи Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія, по департаменту земледѣлія, которому ежегодно представляетъ отчетъ о своей дѣятельности, по утверженію его годичнымъ собраніемъ. Въ отчетѣ этомъ, кромѣ свѣдѣній вообще о дѣйствіяхъ общества въ отчетномъ году и тѣхъ, кои оно само признаетъ нужнымъ включить, должны быть помѣщены: а) именной списокъ всѣхъ членовъ и должностныхъ лицъ общества; б) данныя о состояніи капиталовъ и имущества общества и о движеніи суммъ, и в) свѣдѣнія о состоящихъ при обществѣ учрежденіяхъ.

§ 9. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, сотрудниковъ и корреспондентовъ. Число членовъ не ограничено.

§ 10. Членами общества могутъ быть лица безъ различія пола и званія, занимающіяся или интересующіяся пчеловодствомъ и садоводствомъ.

§ 13. Дѣйствительные члены вносятъ при вступленіи не менѣе одного рубля и, за тѣмъ, ежегодно въ кассу Общества, къ установленному сроку, два рубля. Члены, внесшіе единовременно 25 рублей, освобождаются отъ ежегодныхъ взносовъ, получая наименованіе пожизненныхъ дѣйствительныхъ чле-

новъ. Размѣръ всѣхъ этихъ взносовъ можетъ быть измѣняемъ собраніемъ членовъ общества.

§ 16. Лицо, избранное въ члены, извѣщается о томъ письменно правленіемъ и получаетъ экземпляръ настоящаго устава, установленныхъ въ силу онаго Обществомъ правилъ и списокъ членовъ общества.

§ 17. Всѣ члены Общества имѣютъ право участвовать въ его собраніяхъ: почетные и дѣйствительные—съ правомъ рѣшающаго, а члены—сотрудники и корреспонденты—съ правомъ совѣщательнаго голоса, обращаться къ посредничеству Общества для сношеній съ разными учрежденіями и лицами по предметамъ, до пчеловодства и садоводства относящимся, для продажи на комиссіонномъ правѣ продуктовъ своихъ пасѣкъ и садовъ и пользоваться состоящими при Обществѣ учрежденіями на основаніи составленныхъ Правленіемъ и утвержденнымъ собраніемъ правилъ.

§ 18. Завѣдываніе дѣлами Общества поручается Правленію, избираемому изъ среды дѣйствительныхъ членовъ. Почетные члены могутъ быть избираемы въ члены Правленія только въ случаѣ согласія ихъ на такое избраніе.

§ 19. Правленіе состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, казначея, секретаря и двухъ членовъ Правленія.

§ 23. Предсѣдатель Общества состоитъ въ тоже время предсѣдателемъ Правленія и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы дѣятельность какъ Правленія, такъ и Общества, направлялась къ достиженію намѣченныхъ настоящимъ уставомъ цѣлей.

§ 32. Собранія Общества бываютъ обыкновенныя, годовыя и чрезвычайныя.

§ 34. Обыкновенныя собранія происходятъ ежемѣсячно. кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, и считаются состоявшимися при наличности не менѣе 12-ти почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ, считая въ томъ числѣ и членовъ правленія. Собранія эти посвящаются разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ, разнаго рода докладамъ и бесѣдамъ по пчеловодству и садоводству, разрѣшенію вопросовъ, относящихся до дѣятельности Общества, и выборамъ членовъ дѣйствительныхъ, сотрудниковъ и корреспондентовъ.

§ 36. Чрезвычайныя собранія собираются или по опредѣленію Правленія Общества, или по требованію ревизіонной ко-

миссії, или по письменному мотивированному заявленію въ Правленіе не менѣе 10-ти почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ Общества.

§ 40. Въ годовичномъ собраніи, созываемомъ не позже Апрѣля мѣсяца, читается и утверждается отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ, съ отзывомъ на оный ревизіонной комиссіи и объясненіями Правленія; разсматривается и утверждается составленная Правленіемъ смѣта на поступившій годъ, производятся выборы должностныхъ лицъ по Обществу, почетныхъ членовъ и почетнаго предсѣдателя и могутъ быть разрѣшаемы вопросы, указанные въ примѣчаніи къ § 37 сего устава (—объ измѣненіи устава, объ открытіи и закрытіи отдѣловъ и объ измѣненіи размѣра членскихъ взносовъ).

§ 42. Во всѣхъ собраніяхъ Общества могутъ присутствовать, въ качествѣ гостей, постороннія лица, пользующіяся, съ разрѣшенія предсѣдательствующаго, правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 43. Средства Общества составляютъ: а) изъ пожертвованій; б) членскихъ взносовъ; в) субсидій правительственныхъ, земскихъ и судебныхъ учрежденій; г) доходовъ отъ устраиваемыхъ обществомъ выставокъ, складовъ и другихъ его хозяйственныхъ предпріятій; д) отъ изданія сочиненій и брошюръ по пчеловодству и садоводству и т. п., и е) изъ случайныхъ поступленій.

§ 44. Пожизненные членскіе взносы и 10⁰/₀ отъ всѣхъ другихъ поступленій, кромѣ имѣющихъ опредѣленное назначеніе, отчисляются въ неприкосновенный капиталъ Общества, который хранится въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ. Остальныя средства Общества, а равно проценты съ неприкосновеннаго капитала употребляются на текущіе расходы и вообще на всякаго рода предпріятія по предметамъ дѣятельности Общества.

§ 46. Въ случаѣ признанной необходимости измѣненій въ уставѣ Общества, проектъ таковыхъ измѣненій представляется на утвержденіе Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія.

Таковы главнѣйшіе параграфы устава Всероссийскаго Общества пчеловодства и садоводства, изъ которыхъ ясно видны цѣль и задачи Общества, направленныя къ содѣйствію развитія въ Россіи важныхъ отраслей хозяйства—пчеловодства и садоводства.

Изъ изложеннаго § 4 устава Общества видно, что можно основать и въ Кишиневѣ отдѣлъ Всероссийскаго Общества пче-

ловодства и садоводства—для постоянныхъ живыхъ сношеній съ центральнымъ обществомъ и для совмѣстныхъ работъ и содѣйствія къ развитію мѣстныхъ въ Бессарабіи пчеловодства и садоводства. Для образованія въ Бессарабіи отдѣла Общества нужно, по заявленію предсѣдателя Общества, набрать *до десяти членовъ* и, указавъ ихъ имя, отчество, фамилію и мѣстожителство, прислать въ Правленіе Общества заявленіе, и Правленіе сдѣлаетъ все подлежащее къ разрѣшенію открытія отдѣла.

У насъ въ Бессарабіи есть много среди духовенства пчеловодовъ и садоводовъ, которые, несомнѣнно, съ живымъ участіемъ отнесутся къ открытію въ Бессарабіи отдѣла Всероссийскаго Общества пчеловодства и садоводства, въ цѣляхъ развитія этихъ важныхъ и видныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства. Къ нимъ,—пчеловодамъ и садоводамъ изъ среды нашего духовенства,—обращаемся съ приглашеніемъ записаться въ члены Бессарабскаго отдѣла Всероссийскаго Общества пчеловодства и садоводства и заявленія объ этомъ направлять на имя Кишиневскаго епархіального свѣчнаго управленія; по полученіи достаточнаго числа заявленій (не менѣе 10) можно будетъ собраться подаателямъ заявленій въ Кишиневѣ, въ Свѣчномъ Управленіи, для подробнаго обсужденія вопроса объ открытіи отдѣла Общества въ Бессарабіи, избранія Правленія Общества и для рѣшенія другихъ вопросовъ, какіе будутъ предложены съѣхавшимися лицами касательно пчеловодства и садоводства.

Бессарабія—край наиболѣе благопріятствующій развитію пчеловодства и садоводства; пчеловоды и садоводы и другія лица, интересующіяся вопросами касательно пчеловодства и садоводства—объединитесь для совмѣстнаго, наилучшаго содѣйствія развитію этихъ важныхъ, весьма прибыльныхъ отраслей хозяйства.

Священникъ *Кънстантинъ Парвеньевъ*.

Главныя проблемы этики въ философскомъ ихъ освѣщеніи

(Продолженіе *).

ГЛАВА I.

Свобода воли по ученію Шопенгауэра.

§ I. *О волѣ, какъ сущности вещей.*

Рѣшеніемъ этическихъ вопросовъ Артуръ Шопенгауэръ занимается главнымъ образомъ въ 2-хъ своихъ сочиненіяхъ: въ 4-й книгѣ сочиненія «Миръ, какъ воля и представленіе» и въ сочиненіи «Двѣ основныя проблемы этики», составившемся изъ двухъ, въ разное время написанныхъ, трактатовъ: «О свободѣ воли» и «Объ основахъ морали». Въ первомъ сочиненіи вопросы этики рассмотрѣны Шопенгауэромъ въ связи съ его метафизическими воззрѣніями и раскрыты синтетическимъ путемъ, а priori; во второмъ сочиненіи тѣ же этическія истины, по требованію чисто внѣшнихъ, случайныхъ для дѣла, обстоятельствъ, раскрыты аналитическимъ путемъ, а posteriori, на основаніи фактовъ внутренняго и внѣшняго опыта. И вопросъ о свободѣ воли имѣеть, поэтому, у Шопенгауэра двоякаго рода обоснованія: чисто метафизическія—въ соч. «Миръ, какъ воля и представленіе» и философско-эмпирическія—въ первой половинѣ сочиненія «Двѣ основныя проблемы этики». Раскроемъ сначала основанія, въ виду которыхъ Шопенгауэръ отвергаетъ свободу воли въ нашихъ дѣйствіяхъ, изложенныя въ соч. «Миръ, какъ воля и представленіе».

«Миръ, какъ воля и представленіе» есть главное сочиненіе Шопенгауэра, излагающее его метафизическія воззрѣнія. Прямая наша задача—ознакомленіе съ этическими воззрѣніями Шопенгауэра и, прежде всего, съ его взглядомъ на *свободу* воли. Но *воля* есть то самое понятіе, которое имѣеть центральное значеніе не только въ этикѣ Шопенгауэра, а и въ его метафизикѣ, въ качествѣ, такъ называемой, *вещи въ себѣ*, въ силу чего и самъ Шопенгауэръ признаеть въ соч. «О волѣ въ природѣ» (см. главу «указаніе на этику»), что онъ «съ гораздо большимъ пра

вомъ могъ бы свою метафизику озаглавить «этикою,» чѣмъ Спиноза (стр. 128 русс. пер.). Отсюда понятно, кажется, будетъ и безъ дальнѣйшихъ поясненій, почему мы начинаемъ изложеніе этическихъ воззрѣній Шопенгауэра о свободѣ воли съ разъясненія самаго этого понятія воли, какъ *вещи* въ себѣ.

Намъ кажется справедливымъ замѣчаніе Михаила Ив. Каринскаго (въ соч. «Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи»), что метафизическая система Шопенгауэра сводится къ двумъ основнымъ положеніямъ—положительному и отрицательному: «первое состоитъ въ томъ, что истинная сущность всего есть воля; вторымъ положеніемъ отрицается право прилагать къ истинному бытію пространство, время, причинность, а вмѣстѣ съ ними отрицается въ бытіи не только всякое измѣненіе, но и всякая множественность» (С. П. Б. 1873 г. стр. 273).

Вопросъ, какъ Шопенгауэръ достигъ до познанія, что истинная сущность вещей есть воля, и что множественность, измѣняемость, пространственная и временная опредѣленность не относятся къ существу вещей, не *характеризуютъ самую сущность* вещей, это вопросъ метафизики Шопенгауэра, и намъ необходимо его коснуться, если хотимъ знать, почему эта сущность въ человѣкѣ оказывается по Шопенгауэру несвободною,—если хотимъ знать, почему онъ усволяетъ волѣ такіе, а не иные признаки.

§ II. Что не есть воля.

Сущность вещей Шопенгауэръ обозначаетъ терминомъ «вещь въ себѣ», заслуживающимъ особеннаго вниманія, между прочимъ, потому, что онъ взялъ Шопенгауэромъ у Канта, гдѣ онъ получилъ уже свое опредѣленное значеніе въ ряду другихъ, выработанныхъ Кантомъ, понятій. Потому-то и важно опредѣлить, какой смыслъ получилъ этотъ терминъ въ ряду чисто Шопенгауэровскихъ воззрѣній, такъ какъ на немъ отразились другія воззрѣнія философа. Кантъ призналъ, что вещи, данная въ эмпирическомъ познаніи, не суть вещи въ себѣ, а лишь образы или формы вещей въ себѣ, т. е. тѣхъ сущностей, которыя лежатъ въ эмпирическихъ вещахъ; самыя эти сущности ускользаютъ отъ эмпирическаго познанія, находятся *внѣ* познанія,—и Шопен-

гауэръ началъ съ этого-же, т. е. съ понятія о вещи въ себѣ (не какъ о вещи, *внѣ* насъ находящейся, а, какъ о вещи, находящейся *внѣ нашего познанія*).

Реализмъ, привлекательный, какъ думаетъ Шопенгауэръ ¹⁾, для людей съ неразвитымъ мышленіемъ, готовъ признать вещи, внѣ насъ существующія, за вещи въ себѣ, готовъ признать ихъ абсолютную реальность, независимо отъ того, существую ли я, познающій эти вещи, или нѣтъ. И съ эмпирической точки зрѣнія естественныхъ наукъ это допустимо, т. е. трактовать о внѣшнемъ мірѣ, какъ данномъ внѣ и безотносительно къ субъекту познающему: но для философіи, которая всѣ вопросы сводитъ къ основнымъ элементамъ, къ идеѣ Безусловнаго и къ безусловной точкѣ зрѣнія, невозможно оставаться при такомъ представленіи о вещахъ. «Истинная философія, говоритъ Шопенгауэръ, во всякомъ случаѣ должна быть идеалистическою», ²⁾ и Шопенгауэръ начинаетъ съ идеализма.

То, что въ эмпирической реальности или опытѣ дано, какъ существующее внѣ насъ, существуетъ однако не *все* помимо насъ, безотносительно къ намъ, безотносительно къ нашему познанію. «Тѣ же самыя функціи мозга, когорыя во время сна создаютъ *объективный*, очевидный и почти осязаемый міръ, точно такое же участіе принимаютъ въ представленіи *объективнаго* міра и въ состояніи бодрствованія» ³⁾. Раждается мысль, что, слѣдова-

¹⁾ См. I гл. II т. 6 стр. (въ пер. 5 стр.).

²⁾ *ibid.*

³⁾ I гл. II т. 4 стр. перев.—Мысль Шопенгауэра, что представленія реального міра сами по себѣ еще не даютъ сознанию—вещей въ себѣ, что эмпирическая реальность вещей познается не изъ представленія, какъ такового, а усваивается представленіемъ отъ насъ, принята въ новѣйшей психологіи. Вильгельмъ Вундтъ въ «Лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ», во 2-й л., говоритъ: «Принятый нѣкоторыми психологами обычай называть представленіями только образы воспоминанія и фантазіи, непосредственные же впечатлѣнія на органы чувствъ называть воспріятіями, я считаю неосновательнымъ и неудобнымъ, такъ какъ это возбуждаетъ предположеніе, будто между этими двумя видами процессовъ имѣется существенное психологическое различіе. Между тѣмъ, такового совсѣмъ нѣтъ. При образахъ воспоминанія и фантазіи можетъ даже не быть со-

тельно, такъ называемый, *объективный міръ*—простое созданіе субъекта познающаго, нѣчто родственное сновидѣніямъ, и, какъ такое, оно не принадлежитъ *вещи въ себѣ*, не выражаетъ сущности міровой. Что, дѣйствительно, объективность не принадлежитъ *вещи въ себѣ*, не есть существенная сторона въ мірѣ, а принадлежитъ субъекту познающему, есть *его* созданіе, Шопенгауэръ доказываетъ это рядомъ аргументовъ, взятыхъ у другихъ философовъ идеалистическаго направленія и особенно у Беркли, Канта и отчасти Локка.

У Беркли онъ позаимствовалъ мысль, что не можетъ быть ни одного предмета или объекта, которому можно было бы приписать существованіе внѣ нашихъ представленій, независимое отъ познающаго субъекта ¹⁾). О существованіи всякаго предмета мы можемъ говорить лишь настолько, насколько мы его познали. Но вѣдь всякое познаніе необходимо предполагаетъ, съ одной стороны, субъекта познающаго, съ другой, нѣчто познаваемое—объектъ, такъ какъ субъектъ и объектъ—необходимая форма всякаго познанія и безъ нея не мыслимо никакое познаніе. А въ такомъ случаѣ и міръ, какъ познаваемый, какъ объектъ *субъекта*, есть уже *достояніе* субъекта, есть его представленіе ²⁾). А разъ міръ дѣлается представленіемъ *субъекта*, онъ вмѣстѣ съ нимъ стоитъ, вмѣстѣ съ нимъ и падаетъ, «ибо только для субъекта существуетъ все, что существуетъ,—но исчезни это одно, міръ переставалъ бы существовать, какъ представленіе» ³⁾). Выходитъ, такимъ образомъ, что міръ, насколько онъ познается, какъ объектъ для субъекта, насколько онъ дѣлается *его* представленіемъ, т. е. объективный міръ—не существуетъ самъ по себѣ безотносительно къ субъекту познающему: напротивъ, знанія, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительному существующему объекту, и, наоборотъ, воспріятія органовъ чувствъ могутъ быть принимаемы за обманъ чувствъ. Слѣдов., основанія для различенія этихъ обоихъ видовъ представленій могутъ заключаться лишь во вторичныхъ причинахъ» (См. русс. пер. Розембаха, стр. 14).

¹⁾ I гл. II т. 5 стр. перев.

²⁾ I т. § 5.

³⁾ I т. § 2.

если бы не было познающихъ существъ, не стало бы и объективнаго міра. Кто захотѣлъ бы утверждать противное, т. е. что объективный міръ продолжалъ бы существовать, даже если бы не было ни одного познающаго существа, тотъ однако не могъ бы *представить* себѣ *объективный міръ* безъ познающаго субъекта, такъ какъ всякое подобное представленіе о мірѣ было бы уже *его* представленіемъ, слѣдовательно, представленіемъ познающаго субъекта. 7).

Также опровергаетъ Шопенгауэръ и другое возраженіе противъ идеальности объективнаго міра: «и моя собственная личность—только объектъ для другого, слѣдовательно, является его представленіемъ; а я всетаки навѣрное знаю, что я существовалъ бы и въ томъ случаѣ, если бы этотъ другой не имѣлъ обо мнѣ никакого представленія. Далѣе, въ томъ же самомъ отношеніи, въ которомъ я нахожусь къ его интеллекту, находятся къ нему и всѣ другіе объекты, слѣдовательно, и они существовали бы, если бы онъ не представлялъ ихъ себѣ» 8).—Шопенгауэръ, въ отвѣтъ на это, напоминаетъ опять, что «субъектъ, въ представленіи котораго только и существуютъ всѣ объекты» 9), опять не уничтоженъ совершенно, такъ какъ «моя личность» есть вмѣстѣ съ тѣмъ и познающій субъектъ, для котораго я, какъ представленіе, продолжаю существовать, даже если бы кромѣ меня никого больше не было. Во вторыхъ, Шопенгауэръ приводитъ соображеніе (a priori), что вѣдь есть еще вещь въ себѣ, которая не исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ познанія, представленія субъекта, потому что она существуетъ не для него и не въ немъ, а въ себѣ; но она совершенно отлична отъ объективнаго міра съ его протяженностью и другими свойствами. 10).

Вопреки настойчивымъ воззваніямъ къ здравому смыслу на защиту внѣшняго міра философовъ Шотландской школы и якоби, усматривавшихъ въ идеализмѣ отрицаніе *эмпирической реальности*

7) II т. I гл. стр. 6—7 и перев. и подл.

8) *ibid.*

9) *ibid.*

10) *ibid* 7—8 стр. перев. и подл.

ности *внѣшняго міра*, Шопенгауэръ настойчиво заявляетъ, что не нужно перетолковывать идеализма, что «онъ не касается *эмпирической* реальности міра» ¹¹⁾, онъ ея не отрицаетъ, но разлагаетъ на составныя части (если можно такъ выразиться) и доказываетъ, «что всякій *объектъ*, слѣдовательно, все эмпирически реальное, двоякимъ образомъ обусловлено *субъектомъ*: вопервыхъ, матеріально, или какъ объектъ вообще, потому что объективное существованіе мыслимо только въ противоположеніи субъекту, какъ его представленіе; вовторыхъ, формально, такъ какъ *качество* и *способъ* (die Art und Weise) существованія объекта, т. е. представляемости (пространство, время, причинность) исходятъ изъ субъекта, въ субъектѣ предполагаются» ¹²⁾. Этотъ второй аргументъ о данности всякой эмпирической реальности въ формахъ нашей представляемости, есть уже Кантовскій и отчасти Локковскій аргументъ; изъ него Шопенгауэръ выводитъ такую же непознаваемость изъ представленія сущности субъекта, какую утверждаетъ и относительно объекта.

Самое изложеніе (подробное) доказательствъ, приводящихъ къ истинѣ, что, дѣйствительно, эмпирическое созерцаніе или *внѣшній міръ* есть дѣло ума, создающаго по закону причинности изъ грубаго матеріала элементовъ ощущеній, такъ называемый, объективный міръ, Шопенгауэръ далъ еще въ сочиненіи «О четверномъ корнѣ достаточнаго основанія» (см. особенно § 21) и въ сочиненіи «О зрѣніи и цвѣтахъ» ¹³⁾, и потому въ соч. «Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэръ заботится только о томъ, чтобы изъ этихъ фактовъ были сдѣланы правильные выводы, чтобы, напр., законъ причинности, форма времени и пространства не переносились изъ объекта въ область вещи въ себѣ или на субъектъ познающій, такъ какъ эти формы по

¹¹⁾ *ibid.* 10 стр. перев., подл. 9 стр.

¹²⁾ *ibid.* передано съ подлинн.

¹³⁾ «Ueber das Sehen und die Farben». И здѣсь онъ повторилъ аргументы, выработанные идеализмомъ какъ Локка, такъ также Канта и др., о субъективномъ характерѣ объективныхъ признаковъ вещей. Къ сожалѣнію, мы не можемъ ввести въ соч. цѣлага отдѣла, гдѣ были бы сравнены аргументы Шопенгауэра съ аргументами указанныхъ философовъ.

праву принадлежать только объективному міру и совсѣмъ не есть что-либо существенное въ вещахъ, что могло бы быть отнесено къ вещи въ себѣ.

Отнести эти формы къ субъекту познающему, какъ такому (поскольку онъ познаетъ), допустить, напр., подчиненность субъекта познающаго закону причинности, т. е. воздѣйствіе на него внѣшнихъ предметовъ, это значило бы съ объекта переносить свойства на субъектъ, такъ какъ субъектъ остается субъектомъ, лишь насколько онъ познаетъ; а разъ онъ познается, т. е. является объектомъ познанія, онъ познается уже въ формахъ всякаго познанія (время, пространство, причинность), «но субъектъ, познающее никогда не познаваемое, не лежитъ въ этихъ формахъ, такъ какъ ими самими онъ уже предполагается»¹¹⁾.

«Споръ о реальности внѣшняго міра—дѣлаемъ достопримѣчательную выписку изъ разбираемаго сочиненія Шопенгауэра—основанъ только на этомъ ошибочномъ распространеніи значенія закона основанія и на субъектъ, и, исходя изъ этого недоразумѣнія, онъ никогда не могъ понять самого себя. Съ одной стороны, реалистическій догматизмъ, смотря на представленіе, какъ на дѣйствіе объекта, желаетъ отдѣлить другъ отъ друга представленіе и объектъ, которые суть одно и тоже, и принять совершенно отдѣльную отъ представленія причину, *объектъ самъ по себѣ*, независимый отъ субъекта. Это вполне не мыслимо, ибо уже какъ объектъ, онъ опять таки предполагаетъ субъектъ *и потому остается постоянно только его представленіемъ*. Этому скептицизмъ, исходя изъ того же ложнаго предположенія, противопоставляетъ, что въ представленіи мы вѣчно имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ, а не съ причиной, и поэтому знаемъ всегда только дѣйствіе и никогда не знаемъ бытія; послѣднее, быть можетъ, не имѣетъ съ первымъ никакого сходства, да и вообще, быть можетъ, совершенно ошибочно предполагается, такъ какъ законъ причинности извлеченъ лишь изъ опыта, коего реаль-

¹¹⁾ I т. § 2.

ность опять таки должна на ономъ опираться» ¹⁵⁾. Если бы поняли, думаетъ Шопенгауэръ, что вся реальность объекта, все его бытіе заключается въ представленіи субъекта и не мыслимо безъ субъекта, поняли бы и то, что бессмысленно говорить о дѣйствіи объекта на субъектѣ, т. е. говорить о дѣйствіи внѣ представленія и до представленія, тогда какъ дѣйствіе объекта или его дѣйствительность есть лишь представленіе субъекта.

Итакъ, вслѣдъ за Беркли, Локкомъ и Кантомъ ¹⁶⁾ Шопенгауэръ пришелъ къ заключенію, что въ *объективно*мъ нельзя видѣть чего-либо существеннаго, вещи въ себѣ: вслѣдъ за Кантомъ онъ пришелъ къ выводу, что ея не слѣдуетъ видѣть и въ *субъективно*мъ, потому что субъектъ познающій не познаваемъ, познаваемое же уже не принадлежитъ субъекту познающему, а объекту. Это значитъ, что и самое сознаніе нельзя считать сущностью субъекта познающаго, «ибо насколько ложно то убѣжденіе грубыхъ умовъ, что міръ, объектъ существовалъ бы и въ томъ случаѣ, еслибъ не было никакого субъекта», настолько же ложно и противоположное мнѣніе, что «субъектъ оставался бы познающимъ существомъ, еслибъ у него не было никакихъ объектовъ, т. е. никакихъ представленій. Сознаніе безъ объектовъ не есть сознаніе» ¹⁷⁾. Такъ, въ концѣ концовъ оказывается, что познающее и познаваемое суть лишь формы познанія, а не самыя вещи, создающія познаніе; вещь—прежде познанія, прежде раздѣленія на познающее и познаваемое (на объектъ и сознаніе) и не заключается ни въ признакахъ объекта, ни въ признакахъ субъекта, т. е. въ сознаніи, какъ такомъ, такъ какъ познаніе съ его субъектомъ и объектомъ—уже созданіе вещи въ себѣ, не адекватное ей.

Мысль, что познаніе или распаденіе міра на представленія

¹⁵⁾ I т. § 3, стр. 17 перев.

¹⁶⁾ Мы этимъ не утверждаемъ, что Шопенгауэръ, дѣйствительно, послѣдовательно идя за Беркли и Кантомъ, изъ ихъ посылокъ пришелъ къ такимъ то выводамъ, но что онъ самъ утверждаетъ, что онъ пришелъ къ такимъ то выводамъ вслѣдъ за Беркли и Кантомъ.

¹⁷⁾ II т. I гл. стр. 18 перев.

въ сознаниі, или—на представляемость (объектъ) и сознательность (субъектъ) есть лишь феноменъ или форма вещи въ себѣ,— это первая посылка къ нахожденію (у Шопенгауэра) вещи въ себѣ, истинной сущности вещей и отличительный моментъ Шопенгауэровской философіи сравнительно съ Кантовой ¹⁸⁾).

§ 3. *Защита эмпирической реальности*

Такъ какъ Шопенгауэръ различаетъ въ этомъ феноменѣ представленія или феноменѣ сознанія двѣ стороны—субъективную (сознательность) и объективную (предметы сознанія), то и при опознаніи сущности, кроющейся за этимъ феноменомъ, онъ обращаетъ вниманіе на обѣ стороны. Обращая вниманіе на объекты познанія, Шопенгауэръ различаетъ, такъ сказать, два міра: міръ мысли, или понятій (отвлеченныхъ представленій по Шопенгауэру) и міръ созерцанія, или представленій конкретныхъ. Насколько можетъ быть приписано этимъ двумъ родамъ объектовъ существо вещи? Въ какомъ отношеніи они стоятъ къ сущности вещей, разъ они сами по себѣ не суть еще *вещи въ себѣ*, а лишь *образы вещей* въ себѣ, образы сущностей? Для уясненія этого Шопенгауэръ останавливается немного на изображеніи самого того процесса, черезъ какой возникаетъ въ нашемъ сознаниі эмпирической міръ ¹⁹⁾, равно и міръ понятій. Мы не имѣемъ возможности много останавливаться на этомъ вопросѣ, а для насъ важно лишь то отношеніе, въ какомъ находятся между собою міръ мысли и міръ представленій къ сущности вещей.

Конечно, міръ въ себѣ необходимо предшествуетъ міру представленій и изъ перваго только возникаетъ послѣдній, однако не иначе, какъ при посредствѣ дѣятельности интеллекта, строительной дѣятельности *ума*.—Конечно, пусты бы были понятія, не стоящія ни въ какомъ отношеніи къ міру представленій, однако міръ понятій или мышленія возникаетъ изъ міра представленій только съ конструктивною дѣятельностью *разума*, и кто его лишень, какъ, напр., животныя, тотъ лишень и міра

¹⁸⁾ Самъ Шопенгауэръ говоритъ объ этомъ въ § 32 I т. «Міръ какъ воля и представленіе».

¹⁹⁾ Объ этомъ см. § 6 I т. и 2 гл. II т.

понятій. Ясно, что отношеніе между этими тремя мірами должно быть и должно быть близкое, и его можно сравнивать съ отношеніемъ солнца къ зеркалу и зеркала къ отраженію его. Свѣтъ можно увидѣть и въ солнцѣ, и въ зеркалѣ, гдѣ солнце отражается, и въ отраженіи зеркала на стѣнѣ. Можно бы эту аналогію провести еще дальше въ видахъ разтѣясненія міровоззрѣнія Шопенгауэра, но она не дана въ соч. Шопенгауэра. Все таки мы ее удерживаемъ, потому что она замѣчательно близко подходитъ къ сущности воззрѣній Шопенгауэра.

Вѣдь въ томъ—то и дѣло, что Шопенгауэръ, не признавая за эмпирическимъ міромъ абсолютной реальности, совсѣмъ не желаетъ этимъ сказать, что этотъ міръ—ничто, нуль, ничего не значащій. Вся цѣль его идеализма къ тому лишь сводится, чтобы не только міръ мышленія, вопреки Гегелю и его послѣдователямъ, не считать адекватнымъ существу вещей, но чтобы и самый міръ представленія—эмпирической міръ не считать безусловно даннымъ и существующимъ, такъ сказать, *по собственной своей сущности*, а не въ другомъ, не въ насъ. Безусловнымъ и существующимъ *по себѣ*, по своей сущности безотносительно къ намъ и можетъ быть только то, что нисколько отъ насъ не зависитъ, что составляетъ существо самой вещи. Но это совсѣмъ не значить, будто Шопенгауэръ за міромъ мышленія и представленія готовъ отрицать всякую реальность, готовъ утверждать совершенную ихъ безотносительность къ чему-то, что должно быть признано основой всего. Напротивъ, въ I т. соч. «Міръ, какъ воля и представленіе» у Шопенгауэра даже замѣтно стремленіе показать тожество воли и представленія (см. § 18, т. I стр. 124), т. е. показать, что представленіе есть реальный образъ реальной сущности, но все таки образъ, а не самая сущность, и, слѣдовательно, съ Шопенгауэровской точки зрѣнія о вещи въ себѣ, *о мірѣ*, какъ онъ существуетъ *въ себѣ по своей сущности*, можно говорить только, поскольку она дана какимъ нибудь инымъ образомъ въ сознаніи, а не какъ представленіе. Вотъ это «какимъ нибудь инымъ образомъ» немного различно представляется у Шопенгауэра въ I и II томѣ «Міръ, какъ воля и пред-

«ставленіе» и даже различно въ 1 и 2 книгахъ I-го тома сравнительно съ 3 и 4 книгами того же I тома.

Безусловно согласны и I, и II томы въ томъ, что эта сущность не дается въ сознаниіи въ качествѣ отвлеченныхъ понятій, такъ какъ самая ихъ цѣнность-относительная—зависитъ отъ конкретныхъ представленій ²⁰⁾. Сами-же конкретныя представленія, какъ опять въ томъ безусловно согласны 1-й и 2-й томы, не выражаютъ сущности, въ нихъ сокрытой. Наконецъ, они безусловно согласны въ томъ, что «въ самомъ непосредственномъ изъ ея обнаруженій, которое въ силу этой непосредственности *toto genere* отличается отъ всѣхъ другихъ, она открывается передъ нами, какъ воля» ²¹⁾. Но способъ этого непосредственного опознанія вещи въ себѣ, совершенно отличный отъ обычнаго познанія вещей, различно изображается въ различныхъ частяхъ сочиненія «Міръ, какъ воля и представленіе».

По 1-й и 2-й книгамъ 1-го тома Шопенгауэръ *познаетъ* сущность вещей или волю, какъ вещь въ себѣ, непосредственно внѣ всякихъ формъ представленія, т. е. допускается возможность познанія помимо формъ представленія. По II тому уже всякое познаніе есть прежде всего и главнымъ образомъ представленіе ²²⁾, и, слѣдовательно, и воля, какъ вещь въ себѣ, познается въ нѣкоторыхъ формахъ представленія, и именно въ двухъ: въ общей формѣ представляемости, въ формѣ бытія объекта для субъекта и въ формѣ времени.

Наконецъ, по 3 и 4 книгамъ I тома сущность вещей можетъ быть также непосредственно познана и за феноменомъ внѣшняго міра (объектъ), какъ и за феноменомъ нашего существа (субъектъ), но только уже въ одной общей формѣ представленія, въ формѣ бытія объекта для субъекта. Обслѣдуемъ нѣсколько подробнѣе способъ познанія сущности вещей.

§ 4. *О способахъ опознанія сущности вещей въ себѣ или воли.*

Познаніе сущности вещей по Шопенгауэру есть познаніе осо-

²⁰⁾ См. 17 гл. I кн. II т. перев. стр. 217 и д.

²¹⁾ См. II т. XVIII гл. 239 стр.

²²⁾ См. начало XVIII гл. II т.

баго рода, отличное отъ обычнаго познанія временно-пространственныхъ вещей или представлений. Но вопросъ, какъ же оно характеризуется съ психологической точки зрѣнія, какъ его описать такъ, чтобы можно было согласиться, что такое познаніе *есть* въ человѣкѣ?

Въ первой половинѣ I-го тома «Миръ, какъ воля и представленіе», т. е. въ первыхъ двухъ книгахъ этого сочиненія Шопенгауэръ дѣлаетъ такъ сказать, первую попытку охарактеризовать это познаніе и начинается съ указанія на то, что мы въ себѣ, помимо того, что опредѣляется, какъ временно-пространственное въ насъ, т. е. какъ тѣло, замѣчаемъ еще особое нѣчто, не сводимое на понятіе тѣла, но совершенно опредѣленно намъ извѣстное, что мы называемъ волею. Такъ, напр., въ началѣ § 21 (стр. 133) онъ заявляетъ, что для каждаго человѣка, «сущность сама въ себѣ его собственнаго явленія, которое возникаетъ предъ нимъ, какъ представленіе, частію посредствомъ его дѣйствій, частію посредствомъ ихъ пребывающаго субстрата, собственнаго тѣла,—есть его *воля*, которая составляетъ самое непосредственное въ его сознаніи, но, *какъ таковое*, не вполне подходитъ подъ форму представленія, въ коей объектъ и субъектъ противоположны, а, напротивъ, заявляетъ себя *непосредственнымъ образомъ, безъ яснаго различенія субъекта отъ объекта*». ²³⁾

Въ концѣ § 22 I тома Шопенгауэръ выражается еще яснѣе (см. стр. 136): «понятіе *воля*-единственное между всѣми возможными, которое истекаетъ не изъ явленія, не изъ простаго *созерцательнаго представленія*, но исходитъ извнутри, истекаетъ изъ непосредственнѣйшаго сознанія каждаго, въ которомъ онъ узнаетъ *собственный индивидуумъ въ его существѣ* непосредственно, безъ всякой *формы*, даже безъ таковой (формы) субъекта и объекта, и которымъ онъ оказывается самъ, такъ какъ здѣсь познающее и познаваемое совпадаютъ».

Такое непосредственное познаніе собственной сущности

²³⁾ Переводъ Фета немного поправленъ, въ виду того, что «*velche*» текста имъ отнесено въ переводѣ къ «*das Wesen*», а оно относится къ «*Erscheinung*».

Шопенгауэръ считаетъ чуждымъ всякой формы, въ какой является внѣшній, объективный міръ, міръ представленія,—чуждымъ даже самой общей формы представленія—бытія объекта для субъекта.

Во II томѣ въ 18 гл. уже находимъ иное мнѣніе касательно непосредственнаго познанія сущности меня самого. Шопенгауэръ говоритъ, что онъ не согласенъ вмѣстѣ съ Кантомъ утверждать слѣдующее: «всѣ понятія, въ основѣ которыхъ нѣтъ представленій въ пространствѣ и времени (чувственныхъ представленій), т. е. такія, которыя не отвлечены отъ такихъ представленій,—безусловно пусты, т. е. не даютъ никакого знанія. А такъ какъ представленія даютъ намъ только явленія, а не вещи въ себѣ, то о вещахъ въ себѣ мы и не имѣемъ никакого знанія»; не согласенъ съ этимъ потому, что для одного познанія онъ дѣлаетъ исключеніе. «Я соглашаюсь, говоритъ Шопенгауэръ, съ этимъ во всемъ,—только не могу признать этого свойства за тѣмъ познаніемъ, которое каждый имѣетъ о своей собственной *воля*. Это познаніе и не представленіе (*такъ какъ всякое представленіе пространственно*), и не пусто; напротивъ, оно реальнѣе, чѣмъ всякое другое. Оно дается намъ и не a priori, какъ всякое формальное знаніе, по вполнѣ a posteriori. Поэтому, мы въ отдѣльныхъ случаяхъ не можемъ предугадывать выводовъ и часто ошибаемся въ себѣ самихъ» (237 стр. перев.).

Но, однако, если по воззрѣнію первыхъ двухъ книжекъ I тома «Міръ, какъ воля и предст.» воля познавалась внѣ всякихъ формъ представленія, то при болѣе точномъ анализѣ познанія стало ясно, что и самая воля или Шопенгауэровская вещь въ себѣ можетъ быть познана только въ формѣ представленія. «Необходимо, говоритъ Шопенгауэръ, обратить вниманіе на то,—и я всегда на это настойчиво указывалъ,—что и внутреннее воспріятіе, которое мы имѣемъ о своей волѣ, ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ полнаго и адекватнаго знанія вещи въ себѣ. Это могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы оно было вполнѣ непосредственнымъ. А такъ какъ оно созершается только посредствомъ того, что воля въ своемъ воплощеніи создаетъ себѣ ин-

теллектъ (ради регулированія своихъ отношеній къ внѣшнему міру) и только посредствомъ этого интеллекта въ самосознаніи (необходимомъ отраженіи внѣшняго міра) узнаетъ себя, какъ вслю, то это познаніе вещи въ себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть адекватнымъ вполнѣ. Оно, какъ связанное съ формами представленія, прежде всего *воспріятіе* и, какъ такое, распадается на субъектъ и объектъ, ибо и въ самосознаніи «Я» не безусловно просто и состоитъ изъ познающаго—интеллекта и познаваемаго—воли.—Итакъ, и во внутреннемъ познаніи мысль находитъ различіе между бытіемъ объекта въ себѣ и воспріятіемъ его въ познающемъ субъектѣ. Но всетаки внутреннее познаніе свободно отъ двухъ формъ, которыя присущи внѣшнему, именно, отъ формы пространства и формы причинности, при посредствѣ которыхъ возникаютъ всѣ чувственныя представленія, хотя и здѣсь остается еще форма времени, какъ и болѣе общая форма *познанія и познаваемости вообще*» (стр. 238). Изъ этой длинной выписки уже можно видѣть, что изъ предѣловъ представленія или формъ не можетъ выйти никакое познаніе. То, правда, еще остается по старому, что внѣшній міръ есть представленіе, потому что сущность его является въ формахъ представленія и затѣняется ими; но уже и то выставляется на видъ, что изнутри познаваемое, какъ воля, какъ вещь въ себѣ, познается также въ формахъ представленія. Отсюда бы можно, пожалуй, сдѣлать логическій выводъ, что или непосредственно познаваемое, какъ воля, насколько она является въ формахъ представленія, еще не вполнѣ есть вещь въ себѣ, или, если ее признать вещью въ себѣ, то нужно признать, что представляемость въ формахъ познанія вообще еще не исключаетъ возможности *въ нихъ же* или *за ними* провидѣть самую вещь въ себѣ, что, слѣдовательно, *ее можно провидѣть и во внѣшнемъ яамъ мірѣ, за формами представленія.*

Первый выводъ Шопенгауэръ дѣлаетъ и энергично его проводитъ во II т. (въ той—же 18 гл.), такъ какъ онъ составляетъ послѣдовательное проведеніе уже указаннаго нами Берклеевского довода въ пользу идеализма; второй же выводъ намѣчается во

2-й кн. I-го т. и окончательно выясняется въ 3-й, отчасти 4-й книгахъ I тома, гдѣ онъ признаетъ возможность познанія сущности вещей во внѣшнемъ мірѣ даже непосредственно.

Вотъ какъ Шопенгауэръ приходитъ къ первому выводу.— Когда въ 18 гл. II т. онъ вооружался противъ реализма, т. е. противъ воззрѣнія, что вещь въ себѣ вполнѣ познаваема, онъ говорилъ: «уже въ томъ положеніи, что вещь можетъ быть познана, какъ она существуетъ въ себѣ и для себя, т. е. какъ она существуетъ помимо познанія, заключается противорѣчіе. Всякое познаніе, какъ сказано, есть представленіе. Мое же представленіе, именно потому, что оно мое, никогда не можетъ быть тождественнымъ съ сущностью вещи въ себѣ внѣ меня» (234—5 стр. II т.). И разъ такъ ясно былъ проведенъ идеализмъ, что всякое познаніе, какъ не тождественное съ вещью въ себѣ, не можетъ намъ дать вещи въ себѣ, то ясно было, что съ этой точки зрѣнія и самая воля, или Шопенгауэромъ указанная вещь въ себѣ, еще не можетъ быть признана вполнѣ вещью въ себѣ. И потому-то Шопенгауэръ и ставитъ въ той же 18-й гл. (239 стр.) II-го т. вопросъ, что такое воля «внѣ того, что она представляется, какъ воля, или вообще *является*, т. е. вообще *познается*»?—Самая возможность подобнаго вопроса, по мнѣнію Шопенгауэра, показываетъ, «что вещь въ себѣ, которая непосредственнѣ всего узнается въ волѣ и внѣ всевозможныхъ явленій, опредѣленій и свойствъ, можетъ имѣть еще свой способъ существованія, который для насъ безусловно непознаваемъ и непостижимъ» (ibid).

Такъ какъ эта непостижимая вещь въ себѣ или воля внѣ всякаго познанія не могла быть предметомъ философскихъ изысканій Шоп-ра уже потому, что она находится за предѣлами всякаго познанія, то ясно, что предметомъ философіи Ш-ра должна была остаться вещь въ себѣ, насколько она познаваема въ формахъ представленія, такъ что, слѣдовательно, Ш-ръ дѣлаетъ, въ сущности, и второй, указанный нами, выводъ, что за формами представленія можно провидѣть сущность вещей (хотя и не вполнѣ) не только въ насъ самихъ, но и во внѣшнемъ мірѣ.

Мы уже знаемъ, что сущностью *нашего* существа Ш-ръ призналъ волю, сущностью же внѣшняго міра онъ призналъ силы природы ²⁴⁾. Въ обоихъ случаяхъ это онъ дѣлаетъ потому, что во мнѣ воля и въ природѣ силы не сводимы къ формѣ представленія, не зависятъ отъ меня, отъ *моего* представленія, существуютъ помимо моего представленія. Какъ же Ш-ръ разъясняетъ независимость воли и силъ природы отъ моего представленія, или, что тоже, какъ Ш-ръ находитъ для своей метафизики исходный пунктъ?

Этотъ пунктъ едвали не менѣе всего ясно освѣщенъ у Ш-ра. Онъ можетъ быть изложенъ въ слѣдующихъ положеніяхъ, и во 1-хъ касательно насъ, во 2-хъ касательно внѣшняго міра.

1. Отправляясь отъ эмпирической наличности, Шопенгауэръ находитъ себя самого, какъ индивидуума, даннымъ двоякимъ образомъ: какъ тѣло съ его временно-пространственными движеніями и какъ нѣчто, не укладывающееся въ мѣрку временно-пространственного—волю, *toto genere* отличную отъ тѣла. Доказать, что эти воля и тѣло дѣйствительно *toto genere* различны, или, что они, дѣйствительно, составляютъ двѣ стороны одного и того же предмета и поэтому тождественны, Шопенгауэръ не находитъ возможности: оно можетъ быть только указано, а не доказано (§ 18-й I т. «Міръ, кк.»): оно можетъ «изъ непосредственнаго сознанія, изъ познанія *in concreto* быть возведено въ знаніе разума или быть перенесено въ познаніе *in abstracto*: напротивъ того, по природѣ своей оно никогда не можетъ быть доказано, т. е., какъ посредственное познаніе, быть выведено изъ другого непосредственнаго, собственно потому, что оно само собою непосредственное, и, если мы не воспримемъ и не схватимъ его, какъ таковое, то напрасно будемъ ожидать возможности снова овладѣть имъ черезъ какое-либо посредство, какъ познаніемъ, выведеннымъ изъ другого» (*ibid.*).

Самъ Шопенгауэръ дальше сознается, что «это тождество

²⁴⁾ Психологическая сторона непосредственнаго опознанія сущности вещей во внѣшнемъ мірѣ изображена въ 3-й кн. I т. «Міръ, какъ в. и пред.» Ея еще придется коснуться, равно какъ придется коснуться и психологической стороны опознанія нашей собственной сущности.

является познаніемъ совершенно особеннаго рода, коего истина, поэтому, даже не можетъ, собственно, быть подведена подъ одну изъ 4-хъ рубрикъ, на которыя въ сочиненіи о законѣ основанія § 29 я раздѣлилъ всѣ истины, именно: на логическія, эмпирическія, метафизическія и металогическія, ибо она не представляетъ, какъ всѣ другія истины, отношенія одного абстрактнаго представленія къ другому представленію, или къ необходимой формѣ интуитивнаго или абстрактнаго представленія; но она есть отношеніе сужденія къ связи, въ которой созерцательное представленіе, тѣло, состоитъ къ тому, что вовсе не представленіе, а нѣчто отъ него *toto genere* различное: воля».

Кажется яснѣе яснаго, что это тожество, усматриваемое Шопенгауэромъ, эмпирическаго характера (хотя онъ и не подводитъ эту истину подъ эмпирическую), такъ какъ оно исходитъ изъ опыта, въ которомъ одномъ только и данъ субъектъ познающей, какъ индивидуумъ, т. е., какъ представленіе и вещь, какъ бытіе и отраженіе бытія.

Однако, всякое познаваемое тожество не есть абсолютное тожество; только вещь въ себѣ можетъ быть одною и тою же, ея же познаніе уже не есть она сама, и, слѣдовательно, не тожественно съ нею—повторяемъ одно изъ обычныхъ разсужденій Шопенгауэра. (Не говоримъ уже о томъ, что двѣ вещи никогда не могутъ быть тожественными). Всякое тожество вообще, поэтому, а у Шопенгауэра въ особенности, нужно понимать, какъ простое сходство. И тогда нужно сказать, что воля и представленіе не тожественны, а сходны,—въ какомъ же отношеніи?—Въ томъ, что они вдвоемъ составляютъ одно-индивидуумъ. «Познающій субъектъ именно чрезъ это особенное отношеніе къ одному тѣлу (какъ его воля), которое, внѣ этого отношенія, есть только представленіе, подобное всѣмъ остальнымъ, является индивидуумомъ» (§ 19 I т.). Но это отношеніе, посредствомъ котораго познающій субъектъ есть индивидуумъ, существуетъ по этому самому только между «нимъ» и единственнымъ между всѣми его представленіями» (*ibid*); т. е. поскольку мы знаемъ это отношеніе, мы считаетъ свое тѣло *своимъ*, т. е. реально

существующимъ, но чуть только мы свою руку отдавили и не чувствуемъ ея изнутри, какъ *свою*, у насъ уже остается о ней только представленіе руки: твердаго, мягкаго, теплаго или холоднаго и. т. д. (нашъ примѣръ *).

Но съ этой точки зрѣнія другія представленія не находят-ся-ли въ такомъ же отношеніи къ чему-либо, что дѣлало бы ихъ *своими* представленіями, давало реальность ихъ (представленій) бытію? Такъ непосредственно, какъ въ себѣ, мы, конечно, этого не можемъ знать, но все же (посредствомъ представлений) мы это такъ хорошо знаемъ, что противоположное воззрѣніе (воззрѣніе на всѣ представленія, кромѣ моего тѣла. какъ на пустые призраки), «какъ серьезное убѣжденіе, можно встрѣтить развѣ въ сумашедшемъ домѣ: какъ такое, оно нуждалось бы скорѣе въ лѣченіи, чѣмъ въ доказательствѣ» (§ 19 I т.).

Однако, Шопенгауэръ не разъясняетъ, на какомъ собственно основаніи мы *призраки различаемъ отъ эмпирически реальныхъ вещей*, разъ это различеніе не основывается на непосредственно сознаваемомъ отношеніи представленія и воли (допуская, что она присуща извѣстному представленію, т. е. объекту). Между тѣмъ, въ томъ и весь секретъ, что эту вещь въ себѣ—волю другихъ представлений мы также въ состояніи различить, и на этомъ именно различеніи представлений вещи въ себѣ отъ

*) Своимъ примѣромъ мы яснѣе подчеркнули различаемое Ш-ромъ посредственное познаніе себя, какъ представленія, отъ непосредственнаго—познанія въ себѣ воли. Чтобы показать, что мы правильно поняли Ш-ра, мы приведемъ цитату изъ II т. «Міръ, какъ воля и представленіе»: «Когда мой глазъ видитъ мое тѣло или моя рука его осязаетъ, создается пространственная фигура, которая является предо мною въ пространствѣ, какъ мое тѣло, но ни въ какомъ случаѣ протяженіе фигуры и дѣйствіе не могутъ быть даны моему сознанию непосредственно—въ общемъ ли *физическомъ самочувствіи* организма или во *внутреннемъ самосознаніи*; иначе онѣ дѣйствительно совпадали бы со всѣмъ моимъ существомъ и тогда для своего существованія не нуждались бы ни въ какомъ другомъ существѣ, въ познаніи котораго они могли бы отразиться. Это общее *органическое самочувствіе*, какъ и самосознаніе, скорѣе имѣютъ *непосредственное* отношеніе только къ *воли*,—именно, какъ сознаніе пріятнаго или непріятнаго, или, какъ сознаніе *активности* волевыхъ актовъ, которые для внѣшняго чувства представляются движеніями тѣла» (пер. 7—8 стр.).

пустыхъ представленій основана наша правоспособность въ дѣйствіяхъ, а никакъ не на сознаніи отношенія нашей воли къ нашему тѣлу. Это сознаніе есть только большая посылка; меньшая же должна быть, такъ какъ только меньшая посылка можетъ указать, гдѣ подобное отношеніе есть, гдѣ его нѣтъ въ вещахъ. Это значитъ, отношеніе вещи въ себѣ къ своему представленію проступаетъ для нашего сознанія во внѣшнемъ мірѣ; а проступить оно можетъ только, если то и другое дано въ явленіи, т. е., если уже въ области сознанія другихъ вещей необходимо нами различаются воля и образъ, сущность и представленіе.

И самъ Ш-ръ въ 3-й кн. I-го т. «Міръ, какъ воля и представленіе» признаетъ возможность также непосредственно усматривать во внѣшнемъ мірѣ его истинную сущность, не сводимую къ представленіямъ, только это познаніе онъ считаетъ исключительнымъ и не всѣмъ людямъ свойственнымъ (§ 34, I. т.). Цѣлую главу (19-ю) онъ посвящаетъ во II томѣ «Міръ, какъ воля и представленіе», чтобы выяснитъ *активную* роль воли, въ отличіе отъ *активной* роли интеллекта, чтобы показать, что интеллектъ съ его ролью уже предполагаетъ волю, какъ таковую, какъ создающую самый интеллектъ и потому независимую отъ него, а, слѣдовательно, и вообще отъ представленія.

2. Итакъ, Ш-ръ подмѣтилъ, что въ нашемъ сознаніи не все только представленія, т. е. созданія интеллекта, но есть и *акты*, создаваемые не интеллектомъ, а только проступающіе въ интеллектъ, въ сознаніе: не они отъ познанія зависятъ, а само познаніе иногда созерцаетъ ихъ, иногда нѣтъ, и созерцаетъ ихъ тогда только, когда что-то другое, *а не познаніе, не представленіе, заставляетъ ихъ проступить въ явленіи,—воля*. «При каждомъ вступленіи волевого акта изъ темной глубины нашихъ нѣдръ въ наше познающее сознаніе совершается непосредственный переходъ внѣ времени лежащей вещи въ себѣ въ явленіе. Поэтому, хотя волевой актъ только ближайшее и самое ясное *явленіе вещи въ себѣ*, отсюда всетаки слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что, если бы всѣ остальные явленія могли быть познаны

нами также непосредственно и интимно, мы должны были бы приписать имъ именно то, что въ насъ является волею». ²³⁾

Цѣлую главу (19-го) Шопенгауэръ посвящаетъ въ II т., чтобы выяснить, что дѣйствительно есть явленія (и именно явленія *волевыя*), которыя не зависятъ отъ интеллекта, отъ представляемости; и хотя бы они познавались интеллектомъ, хотя бы они въ *немъ* являлись сознанию, они—волевые акты—не отъ него зависятъ, такъ какъ *само сознание производится волею*

Подобнымъ же образомъ онъ останавливается на актахъ или движеніяхъ во внѣшнемъ мірѣ и показываетъ ихъ зависимость не отъ мѣста и времени, а отъ чего-то, что кроется за мѣстомъ и временемъ,—*отъ силы*.

«Мы научились у великаго Канта, такъ начинается § 24, что время, пространство и причинность во всей ихъ законѣрности и возможности всѣхъ формъ своихъ находятся въ нашемъ сознаниіи совершенно независимо отъ объектовъ, которые въ нихъ проявляются и составляютъ ихъ содержаніе, или, другими словами, что они одинаково могутъ быть находимы при исхожденіи отъ субъекта, какъ и отъ объекта; поэтому съ одинаковымъ правомъ можно ихъ назвать: образомъ созерцанія субъекта, или же качествомъ объекта, поколику онъ *объектъ* (у Канта—явленіе), т. е. представленіе». Но, вѣдь, если объекты не пустые призраки, то должны же быть чѣмъ-либо и, помимо своей представляемости, должны быть вещами въ себѣ, разсуждаетъ Шопенгауэръ. «Чѣмъ бы ни была вещь сама въ себѣ, Кантъ справедливо заключилъ, что время, пространство и причинность, (которые мы впоследствии признали видами закона основанія, а послѣдній—общимъ выраженіемъ формъ явленія), не составляютъ ея опредѣлений, а могли къ ней привзойти, лишь когда и поколику она стала *представленіемъ*, т. е., что они принадлежать ея явленію, а не ей самой». «Они должны быть формой представленія, какъ такового, а не качествомъ того, что приняло эту форму».

²³⁾ См. II т. 1 кн. гл. 18 стр. 239.

Такъ какъ форма не могла быть приписана вещи въ себѣ и форма намъ непосредственно доступна, то и науки, которые зиждутся на этихъ формахъ—чистая математика и чистое естествоѣдѣніе а priori, отличаются ясностью,—онѣ въполнѣ исчерпываются формами познанія: онѣ съ ясностью опредѣляютъ всѣ отношенія пространственныя и временныя; этиологія, напр., въполнѣ опредѣляетъ законмѣрныя условія, при которыхъ въ пространствѣ и во времени *теперь и здѣсь* можетъ произойти то или другое явленіе, опредѣляетъ, почему это можетъ случиться; но всѣ науки, имѣющія дѣло съ дѣйствительною *сущностью* вещей, никогда не поймутъ, почему та или другая сила природы имѣетъ извѣстный образъ дѣйствія; качество, характеръ всякаго явленія не объясняется изъ формы, и законъ достаточнаго основанія опредѣляетъ только, *какъ* явленія, но не *что*,—форму, а не содержаніе. Шопенгауэръ признаетъ неосуществимою мысль свести все данное въ явленіи къ однимъ формамъ явленія, хотя „во всѣ времена, не сознающая своей цѣли, этиологія стремилась сводить всю органическую жизнь на химизмъ или электричество, весь химизмъ, т. е. качество, опять на механизмъ (дѣйствіе посредствомъ формъ Die Gestalt—атомовъ), а послѣдній частію на предметъ фонономіи, т. е. на время и пространство, соединенныя въ возможность движенія, частію на одну геометрію, т. е. на положеніе въ пространствѣ (подобно тому, какъ съ полнымъ правомъ, чисто геометрически построится уменьшеніе дѣйствія по квадратамъ разстояній и теорія рычага); наконецъ, геометрія разрѣшается въ ариѳметику, которая, по единству измѣренія, представляетъ наидоступнѣйшую, обозримѣйшую, до дна исчерпаемую форму закона основанія“. Этиологія, думаетъ Шопенгауэръ, достигнетъ своей цѣли, когда „признаетъ и выставитъ всѣ первобытныя силы природы таковыми и установитъ ихъ образъ дѣйствія, т. е. правило, по которому, подъ руководствомъ причинности, ихъ проявленія вступаютъ въ пространство и время и взаимно опредѣляютъ другъ другу мѣсто. Но навсегда останутся первобытныя силы, всегда, какъ неразложимый осадокъ, останется содержаніе явленія, котораго нель-

зя подвести подъ его форму и, слѣдовательно, нельзя по закону основанія объяснить изъ чего-либо другого“ (150 стр. I т. Такъ, при всякомъ отдѣльномъ дѣйствіи вещи, думаетъ Шопенгауэръ, можно указать причину, почему она дѣйствуетъ теперь или здѣсь, но никогда нельзя указать, почему она вообще такъ дѣйствуетъ, а не иначе; какъ при всякомъ проявленіи человѣческой воли можно указать причину, мотивъ, почему онъ такъ поступилъ здѣсь и теперь, но никогда нельзя указать, почему вообще изъ множества мотивовъ—этотъ, а не другой дѣйствуетъ въ характерѣ человѣка. „Что для человѣка его безосновный, при всѣхъ объясненіяхъ его мотивированныхъ дѣйствій, предполагаемый характеръ,—то самое для всякаго неорганическаго тѣла его существенное качество, образъ его дѣйствія, коего проявленія вызываются внѣшними вліяніями, между тѣмъ, какъ онъ самъ ничѣмъ внѣ себя самого не опредѣляется, а потому и не можетъ быть объясняемъ“ (151 стр. I т.).

Слѣдовательно, и воля человѣка, и силы природы, одинаково познаваемая въ явленіяхъ, т. е. въ формахъ представленія, одинаково могутъ бытъ признаны сущностью вещей или вещами въ себѣ, *какъ осадокъ послѣ выдѣленія формъ познанія*. Наша воля и силы природы оказываются попадающими подъ одну категорію, подъ категорію сущности. „Во всѣхъ вещахъ, за исключеніемъ собственнаго тѣла, знакома мнѣ только *одна сторона*, представленіе.—Тѣло мое—единственный объектъ, въ которомъ я знаю не *одну сторону*, сторону представленія, а и другую, называемую *волею*. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы думать, что я лучше пойму мою собственную организацію, затѣмъ, мое познаніе и волю и мои движенія по мотивамъ, если я подведу ихъ подъ движенія по причинамъ: посредствомъ электричества, посредствомъ химизма, посредствомъ механизма,—я долженъ, если ищу философіи, а не этиологии, наоборотъ, и простѣйшія и низменѣйшія движенія неорганическаго тѣла, совершающіяся на моихъ глазахъ по причинамъ, первоначально научиться понимать въ ихъ сущности изъ собственнаго моего движенія по мотиву, и признать неисповѣдимыя силы, проявляющія-

ся во всѣхъ тѣлахъ природы, *тождественными* по роду съ тѣмъ, что во мнѣ есть воля,—а различными (съ тѣмъ) только въ степени“ (153 стр. I т.).

Въ существѣ дѣла, въ приведенной цитатѣ силы природы и воля попадаютъ въ одинъ разрядъ: за выдѣленіемъ ихъ формъ, онѣ очутились внѣ формъ, оказались однородными, или, какъ ихъ назвалъ Шопенгауэръ, *тождественными по роду*. И тогда мысль Шопенгауэра такова: какъ собственное существо мы познаемъ двояко: какъ волю и предствленіе, такъ и внѣшній міръ, кромѣ представленія, имѣетъ еще волю, или силы, которыя можно познать уже не *непосредственно*, какъ волю, а посредственно, черезъ отвлеченіе отъ формъ представленія.

Почему же всетаки вещь въ себѣ Шопенгауэръ называетъ *волею*, а не просто *не силами природы*?

По § 22 понятіе *воли* ближе намъ извѣстно, чѣмъ понятіе силы, непосредственнѣе. „Если же, напротивъ, подведемъ, какъ дѣлалось доселѣ, понятіе *воли* подъ понятіе *силы*, то откажемся отъ единственнаго *непосредственнаго* познанія, которое имѣемъ о сущности міра, облекая это познаніе въ отвлеченное изъ явленія понятіе, при помощи котораго мы никогда не выступимъ за предѣлы явленія“ (136 стр. I т.). Именно на непосредственность, какъ способъ познанія, и бьетъ Шопенгауэръ въ этомъ мѣстѣ.

§ 5. Что есть воля?

Непосредственно познавая свою собственную сущность, какъ волю, Шопенгауэръ сущность всѣхъ другихъ вещей опредѣлилъ лишь посредствомъ *мысленнаго* абстрагирования отъ представленій всего, что относится къ формѣ вещей, и то, что не вошло въ формы—силы природы, назвалъ также *волею*, расширяя, такимъ образомъ, понятіе воли. Посему *волю* мы должны бы считать самымъ общимъ *понятіемъ силъ* природы.

Но здѣсь Шопенгауэръ (съ своей точки зрѣнія совершенно правильно) начинаетъ разсуждать о волѣ, не какъ она нами мыслится въ отвлеченіи отъ формъ познанія, а *какъ она существуетъ* внѣ формъ познанія. Когда онъ въ § 23 I т. говоритъ

о волѣ, какъ вещи въ себѣ, то она, какъ свободная отъ формъ познанія, должна быть мыслима свободно и отъ *множественности*, единственно существующей только при формахъ познанія, то онъ этимъ высказываетъ не ту мысль, что воля въ *отвлеченіи отъ формъ познанія, какъ отвлеченное понятіе*, едина. Онъ предупреждаетъ даже прямо, что тутъ его воля является (прямо) единою, «не такъ, какъ *едино* понятіе, происшедшее лишь черезъ отвлечение отъ *множества*», а тѣмъ болѣе *едина* не въ смыслѣ одного предмета, что предполагаетъ (противоположное ему) множество. Здѣсь уже *понятіе «воля»*, не смотря на то, что она познана, какъ основа всей природы, лишь какъ отвлеченное понятіе всѣхъ ея силъ, она уже понимается, какъ метафизически единая воля, ничего общаго не имѣющая съ эмпирическимъ множествомъ, а самое эмпирическое множество сочтено лишь формальнымъ, не затрагивающимъ самой сущности, какъ порождаемое другими формами познанія—временемъ и пространствомъ.

Это обстоятельство яснѣе намъ показываетъ, что Шопенгауэръ не чрезъ мысленную только абстракцію достигъ до сущности вещей. Мысленная абстракція въ состояніи только дать *понятіе о представляемомъ*, въ которомъ заключена и сущность, и формы этой сущности. А чтобы обнажилась самая сущность, нужно было отбросить не только результатъ функціи мышленія (—понятія), но и результатъ функціи представленія (самую конкретность), нужно было снять съ вещи въ себѣ формы представленія и все, ими произведенное,—множество, измѣненіе, и тогда обнаруживается *единая, неизмѣнная, безосновная* сущность, подобно тому, какъ когда снимаютъ форму съ тѣста,—форму, которая дѣлитъ его на мелкія части различныхъ видовъ, то этимъ открываютъ взору единство матеріала—тѣста, совершенно однородную во всѣхъ своихъ частяхъ. Такъ найденная воля разсматривается Шопенгауэромъ уже просто, какъ основа природы, какъ чистая природа внѣ всѣхъ ея формъ не только мышленія (какова абстракція—составленіе понятій черезъ отвлечение), но и внѣ всякой видимости, какъ *единая*, т. е. внѣ формъ.

нашей представляющей способности, такъ какъ только съ нею появляются объекты, дѣленіе, пространство и пр. Какъ такая, она не подчинена и закону достаточнаго основанія, такъ какъ ему подчинено все познаваемое въ формахъ представленія. Она *безосновна*, потому что о ней нельзя сказать, почему она такова: она независимо отъ проявленія такова, а не иная; всякое же проявленіе отъ нея зависимо (§ 23) Въ это смыслѣ она свободна.

Она *одинакова* во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, такъ какъ всякая разность *проявленій* не относится къ ней. Потому, ту же волю надо признать и въ человѣкѣ, когда ея *руководитъ* познаніе, и въ животныхъ, когда ея не руководитъ познаніе,—въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ, гдѣ воля дѣйствуетъ слѣпо и „, хотя сопровождается познаніемъ, но не направляется имъ“ (домикъ улитки—такое же произведеніе воли, какъ и нашъ домъ),—и въ растеніяхъ, гдѣ она даже не сознается, однако дѣйствуетъ съ менѣе мудрою послѣдовательностью, чѣмъ въ животныхъ и человѣкѣ,—и въ неорганическихъ тѣлахъ, гдѣ сцѣпленіе, притяженіе и пр. свидѣтельствуютъ о неослабной энергіи всюду присущей воли.

Итакъ, мы видимъ, что сущность вещей или воля—*едина, безъ качественного различія*. внѣ всякой индивидуализаціи, внѣ всякой множественности, потому что индивидуализація, множественленіе вещи въ себѣ дается только съ процессомъ познания, съ обнаруженіемъ сущности въ формахъ познавательности.

Но, съ другой стороны, я самъ, какъ *познающее* существо, уже продуктъ множественности и, слѣдовательно, множественленіе, должно быть признано происшедшимъ до познания, должно быть приписано волѣ, а не интеллекту, должно быть признано актомъ, по существу принадлежащимъ волѣ, а не актомъ, производимымъ лишь интеллектомъ.

Шопенгауэръ ставитъ эту проблему въ 22 главѣ II т. ²⁶⁾ и съ

²⁶⁾ Шопенгауэръ развиваетъ эту проблему приблизительно слѣдующимъ образомъ: онъ доказываетъ, что «необходимость, или потребность въ познаніи вообще возникаетъ изъ множественности и *обособленнаго существованія* существъ, т. е. изъ индивидуализаціи», такими, напр., разсужденіями, что, если бы *одно* только бытіе существовало, то «оно само было бы тогда все во всемъ и поэтому ему не осталось бы ничего для

своей точки зрѣнія справедливо утверждаетъ, что это второе вззрѣніе идетъ отъ представленія, истинность котораго, надо помнить всегда, не объективная (реальная), и мы не объективно (реально) существующее множество, а лишь въ своемъ же представленіи, что, слѣдовательно, и «познаніе, и множественность или индивидуализація стоятъ и падаютъ вмѣстѣ, такъ какъ они взаимно обусловливаются» (333 стр. II т.).

Это такой отвѣтъ, который на нашемъ языкѣ можетъ значить только, что и множественность, и (индивидуализація) познаніе одинаково *производятся* волею и не такъ, что прежде познаніе, а потомъ множественность, или прежде множественность, потомъ познаніе: но въ единомъ актѣ опознанія или омноженія вещи въ себѣ, такъ что съ субъективной стороны этотъ актъ рисуется, какъ *сознательный*, съ объективной, какъ множество временнопространственныхъ вещей. Тотъ же принципъ, который порождаетъ и сознательность и пространственность, есть воля. Впрочемъ, Шопенгауэръ оговаривается, что все, здѣсь сказанное, въ сущности только образъ и сравненіе, и отчасти гипотетично. Но мы здѣсь стоимъ на такомъ пунктѣ, до котораго едва достигаетъ мысль (337—8 стр. II т.).

Какъ ни отвлеченно и, какъ самъ Шопенгауэръ допускаетъ, гипотетично ученіе о волѣ, какъ началѣ, лежащемъ въ основаніи всего бытія, но мы его изложили болѣе или менѣе обстоятельно потому, что здѣсь разомъ обозначается и гносеология Шопенгауэра, и даются посылки для рѣшенія вопроса о *свободѣ* воли, съ точки зрѣнія Шопенгауэра, къ которому мы теперь и переходимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О пастырскихъ собраніяхъ и курсахъ.

На страницахъ Киш. Еп. Вѣдомостей въ № № 8, 11 и 13 за текущій годъ были помѣщены три пастырскихъ документа

познанія, т. е. ничего чуждаго ему, что могло бы быть воспринято, какъ предметъ, т. е. какъ объектъ». Рядомъ онъ приводитъ и другое основаніе, котораго не считаемъ нужнымъ выписывать. См. стр. 333 II т.

нашей епархіи. въ которыхъ такъ или иначе, въ большей или меньшей степени задѣвается вопросъ о пастырскихъ собраніяхъ. Мы разумѣемъ „О пастырскихъ» собраніяхъ (письмо въ редакцію) свящ. Вас. Пр—аго, „Правду о пастырскихъ собраніяхъ» свящ. Акима Лашкова и рѣчь на пастырскомъ собраніи Ѳ. Зубкова. Помѣщая ихъ на страницахъ мѣстнаго духовнаго органа, редакція его рассчитывала, что самый боевой тонъ этихъ произведеній сыграетъ роль въ нашей епархіи, обнаружить таящіяся въ глуши сокровища высокой нравственной цѣнности, подвиги ума и воли, которые должны были уже успѣть проявиться, такъ какъ со дня опубликованія синодальнаго распоряженія о пастырскихъ собраніяхъ протекло уже довольно времени. Тяжело было бы разочароваться въ томъ, что идея пастырскаго единенія чужда бессарабскому духовенству; тяжело было бы убѣдиться что само оно, постоянно молясь о единеніи всего христіанскаго міра, всѣхъ Божіихъ церквей, достаточно разъединено и инертно, чтобы забросить мысль о своемъ тѣсномъ сближеніи въ предѣлахъ общихъ пастырскихъ интересовъ; тяжело было бы видѣть, какъ безмолвно соглашаются съ мыслью о. Акима Лашкова, что духовно созрѣвать въ уединеніи для пастыря важнѣе, *чѣмъ свидѣтельствовать о своемъ преуспѣваніи въ мѣру возраста Христова, выступая на поле общественной дѣятельности, для котораго, собственно, священство и призвано*; тяжело было бы сознавать, что бессарабское пастырство выступаетъ въ своей пастырской дѣятельности съ такой малой вѣрой въ свою миссію, имѣетъ такую слабую убѣжденность въ своемъ назначеніи, такую младенческую вѣру во Христа и Его святое евангеліе, что нуждается въ такихъ источникахъ для подкрѣпленія своей вѣры и пастырской энергіи, какъ русская беллетристика, хотя бы и въ лицѣ коринѳеевъ этой литературы, какъ Гоголь, Бѣлинскій, Достовскій, Л. Н. Толстой (См. пастырскую рѣчь Ѳ. Зубкова).

Въ отвѣтъ на этотъ, такъ сказать, нѣмой запросъ редакціи посыпались отвѣты. Въ № № 75 „Бесс. жизни“ напечатана статейка „Правда Акима Лашкова о пастырскихъ собраніяхъ“ за подписью „священникъ“. Въ № 14 Киш. Еп. Вѣд. нами была помѣщена отвѣдь „Собрата“ на рѣчь Ѳ. Зубкова, сказанную на пастырскомъ собраніи. Къ чему сводятся обѣ эти статьи?

Каково ихъ идейное содержаніе? 1-я статья констатируетъ фактъ глубокаго непониманія священникомъ Акимомъ Лашковымъ важности пастырскихъ собраній для развитія пастырскаго духа у самыхъ пастырей; 2-я статья, если не считать критику, задѣвая стиль автора, главнымъ образомъ протестуетъ противъ того утвержденія, что бессарабское духовенство, въ общей массѣ его, не столько заботится о паствѣ своей, сколько о пашнѣ, старается подчеркнуть необезпеченность духовенства и неумѣстность „дѣтской идеализаціи Ѡ. Зубковымъ христіанской вѣры“ (стр. 558). Собственно же вопросомъ о томъ, какъ возбудить живой духъ въ жизни духовенства, если само духовенство сознается въ его оскудѣніи, критикъ не занимается, между тѣмъ какъ „Собрату“ естественнѣе всего было бы напомнить глаголь Христовъ: *«гдѣ два или три собраніи во имя Мое, ту и Азъ посредѣ ихъ»*, т. е. напомнить о необходимости широкаго общенія пастырей на пастырскихъ собраніяхъ. Въ распоряженіи редакціи имѣются лишь три отвѣта, болѣе или менѣе заслуживающіе опубликованія, по затронутому нами вопросу, которые мы и помѣщаемъ ниже. Какъ ясно будетъ видно изъ содержанія ихъ, опытъ редакціи съ вопросомъ о пастырскихъ собраніяхъ нужно признать неудачнымъ, такъ какъ онъ не далъ желательныхъ результатовъ. Впрочемъ, редація и теперь еще сомнѣвается въ томъ, чтобы въ бессарабскомъ духовенствѣ идея пастырскихъ собраній погибла, не давъ ни цвѣта, ни плода. Но что положеніе дѣла нельзя назвать не только блестящимъ, но и просто нормальнымъ, предоставляемъ судить по слѣдующимъ тремъ ниже помѣщаемымъ письмамъ въ редакцію, священниковъ П. А—ва и Н. Стойкова.

Вся довольно блестящая аргументація этихъ писемъ можетъ быть сведена къ тому положенію, что священники Вас. Пр—ый и Акимъ Лашковъ, (а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и всѣ тѣ, кто съ ними соглашается), глубоко ошибаются, что у бессарабскихъ пастырей, не только съ политической, но и безъ политической окраски, пастырскихъ собраній, за малымъ исключеніемъ, не бываетъ.

Неужели же съ такой безотрадной картиной пастырской инертности въ нашей епархіи придется примириться? Духовные отцы духовной паствы! Откликнитесь всѣ, кто самимъ фактомъ

существованія правильной организаціи пастырскихъ собраній, а не одними только теоретическими обоснованіями, какъ въ ниже помѣщаемыхъ письмахъ въ редакцію, сможетъ опровергнуть отрицательные доводы въ осужденіе вашей инертности, высказанные въ статьяхъ свящ. Вас. Пр—аго, А. Лашкова и Зубкова; редація всякому основательному заявленію удѣлитъ достаточно мѣста, какъ ни малы размѣры епархіального органа.

Съ своей стороны, усматривая дѣйствительно слабое развитіе въ современномъ пастырствѣ идей морального объединенія въ ихъ высокой дѣятельности, мы невольно приходимъ къ необходимости присоединить и свой голосъ къ тѣмъ голосамъ пастырей, которые находятъ благовременнымъ учрежденіе особыхъ пастырскихъ курсовъ для духовенства,—не тѣхъ курсовъ, которые подготовляли бы діаконввъ и псаломщиковъ къ прохожденію должностей священниковъ (такіе есть, напр. въ Астраханской епархіи), но тѣхъ курсовъ, которые возгрѣвали бы угасающій пастырскій духъ у самыхъ священниковъ, проходящихъ свое пастырское служеніе въ глуши деревень, среди подавляющей душу будничной суматохи.

Общепархіальный съѣздъ депутатовъ духовенства Ставропольской епархіи въ августѣ м. прошлаго (1907 г.), рассмотрѣвъ докладъ объ этомъ священника о. Сальскаго и находя осуществленіе проекта докладчика весьма желательнымъ, нашель нужнымъ подвергнуть его на предварительное обсужденіе и заключеніе духовенства на окружныхъ собраніяхъ по благочинническимъ округамъ. Сущность доклада о. Сальскаго сводится къ слѣдующему.—Невѣріе въ массахъ распространяется главнымъ образомъ путемъ популяризаціи отрицательныхъ идей, выросшихъ на почвѣ развитія и распространенія въ обществѣ естественнонаучныхъ свѣдѣній, идущихъ зачастую въ разрѣзъ съ основами христіанскаго міровоззрѣнія. Бороться съ этими идеями, будучи невѣжественными въ естественныхъ наукахъ, пастыри не могутъ: необходимо знать ту почву, на которой выросли самыя отрицательныя идеи. Цѣлесообразно было бы организовать пастырскіе курсы, на которыхъ лучшіе профессора въ теченіе 3—4-хъ недѣль пополнили бы скудные и отрывочныя свѣдѣнія по естествознанію духовенства епархіи. Для покрытія расходовъ докладчикъ считаетъ достаточными добровольные взносы священниковъ отъ

10 до 15 р., діаконовъ отъ 7 до 10 р., псаломщиковъ отъ 3 до 5 руб. Ярославскія епарх. вѣдомости, стоя за открытіе пастырскихъ курсовъ для духовенства, полагають, что лекторы должны сообщать свѣдѣнія о политическихъ ученіяхъ нашего времени и вмѣстѣ дѣлать сравнительную ихъ оцѣнку *); должны ознакомить слушателей съ наиболѣе важными сторонами общественной жизни въ нашемъ отечествѣ; должны сообщить о важнѣйшихъ теченіяхъ философствующей и богословствующей мысли и указать основные принципы, на которые слѣдуетъ опереться при защитѣ православія противъ нападковъ на него... Но важнѣе всего мысль, высказанная сотрудникомъ Ярославскихъ Еп. Вѣд., защищающимъ идею пастырскихъ курсовъ для духовенства, что пастырскіе курсы несомнѣнно содѣйствовали бы обновленію и оживленію пастырской дѣятельности, объединенію сельскаго духовенства въ дружную семью, стремящуюся къ намѣченной цѣли, указанной въ Евангеліи: „Здѣсь, на курсахъ расплавлялся бы въ сердцахъ слушателей ледъ равнодушія къ своему служенію, возжигался бы огонекъ любви къ ближнему, ревности къ пастырству, безъ которыхъ никакія реформы не дадутъ улучшенія и выхода изъ настоящаго безотраднaго положенія. Здѣсь воодушевлялись бы молодые іереи, окончившіе семинарію безъ призванія къ пастырству и поступившіе на мѣсто только потому, что больше итти некуда. Здѣсь же подогрѣвались бы и пожилые священники, въ сосудѣхъ которыхъ свѣтильницы готовы погаснуть. Однимъ словомъ, другая задача пастырскихъ курсовъ объединять и одушевлять пастырей, дѣлать ихъ идейными. Пастырь безъ идей—не пастырь, а наемникъ и не можетъ радѣть объ овцахъ“ (Костр. Еп. Вѣд. № 2).

Что пастырскіе курсы имѣли бы весьма благотворное значеніе для пастырей и вообще для духовенства епархіи, едва ли можно сомнѣваться. Потребность въ болѣе широкомъ образованіи нынѣ такъ сознается нашимъ духовенствомъ, какъ никогда раньше. Духовныя академіи и университеты насчитываютъ въ своихъ стѣнахъ не единицы, какъ прежде, а десятки лицъ въ священномъ санѣ. Діакона поступаютъ вольнослушателями въ духовныя семинаріи, псаломщики домогаются особыхъ псалом-

*) Мысль о «политическихъ» курсахъ для пастырей сочувственно встрѣчена и «Церк. вѣдомостями» (см. № 33, 1907 г.).

щицкихъ курсовъ. Слѣдовательно, есть всѣ данныя къ тому, что идея пастырскихъ курсовъ назрѣваетъ въ духовенствѣ. Если же такъ, то и ихъ значеніе быстро скажется, какъ сказывается значеніе учительскихъ курсовъ для учителей народныхъ школъ. Пребываніе въ теченіе одного мѣсяца въ культурномъ центрѣ, въ большомъ городѣ, среди другихъ, менѣ узкихъ, чѣмъ въ селѣ, интересовъ,—все это имѣетъ громадное значеніе для психики человѣка, вынужденнаго всю жизнь прозябать въ глуши, зачастую въ духовномъ одиночествѣ. А какъ были бы умѣстны для нашихъ пастырей специально *проповѣдническіе* курсы, которые смогли бы поднять слово духовнаго пастыря на должную высоту! Вѣдь далеко не секретъ, что много публики обычно спѣшитъ уйти изъ церкви, лишь только завидитъ появленіе на кафедрѣ проповѣдника. На это надо же обратить вниманіе!

Конечно, болѣе совершенная организація курсовъ дастъ и большіе плоды. Но и самая умѣренная постановка этого дѣла скажется благотворными результатами, приучивъ духовенство во *взаимной близости* находить утѣшеніе и руководство въ своей пастырской дѣятельности *). Возможно тогда надѣяться, что и пастырскія собранія въ епархіи приобрѣтутъ устойчивость и вѣсь, какихъ они не имѣютъ въ настоящее время.

О псаломщицкихъ курсахъ поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ.

В. Курдиновскій.

*) Потребность взаимнаго руководства для нашего пастырства тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ бѣднѣе наше пастырское образованіе. Быстрый ростъ нашей современной литературы и широкое ея распространеніе въ обществѣ способствуетъ проникновенію въ народъ такихъ умствованій, какъ религіозно-нравственное ученіе Л. Н. Толстого, Мережковскаго, «Новаго Израіля» или «новоевангельскихъ христіанъ». «Чтобы дѣйствительно стоять на стражѣ св. Церкви, пастырь долженъ быть всегда широко освѣдомленъ въ новыхъ религіозныхъ ученіяхъ, распространяемыхъ въ народѣ, пополненіе же и освѣженіе его знаній въ этой области болѣе или менѣе достижимо только на соотвѣтствующихъ специальныхъ курсахъ. Подобные богословско-миссіонерскіе или апологетическіе курсы *на Западѣ* составляютъ самое обычное явленіе, несмотря на то, что уровень какъ общаго, такъ и специально-богословскаго образованія тамошняго духовенства значительно выше уровня паствы: въ протестантскихъ государствахъ и въ Англіи священники, какъ извѣстно, оканчиваютъ курсъ богословскихъ факультетовъ въ университетѣ». (См. Ставроп. Еп. Вѣд. № 4 т. г. ст. свящ. Тихона Фоменко: «Что нужно?»).

Письма въ редакцію.

а) Большой вопросъ.

За послѣднее время особенно ясно стало, что пастырскія собранія, на которыя въ свое время возлагались большія надежды, стали чахнуть. Я думалъ и думаю, что пастырскія собранія, вызванныя къ жизни для изысканія средствъ къ оздоровленію церковно-приходской жизни, особенно должны быть дороги и близки сердцу сельскаго пастыря. Почему-жъ они не прививаются, почему они не занимаютъ соотвѣтствующаго мѣста въ нашей жизни? Я не разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ и вотъ, къ своему удовольствію, я прочиталъ на страницахъ „Епар. Вѣд.“ и отвѣтъ на него. „Мнѣ кажется“ пишетъ о. В. Пр-ный въ № 8: 1) „Что пастырскія собранія у насъ не развились и оказались неудачными потому, что не было никакихъ указаній и правилъ относительно этихъ собраній, 2) что пастыри собирались и не знали, для чего они собственно собираются и что имъ нужно дѣлать, чѣмъ заняться.

Оставивъ пока въ сторонѣ первое „что“, я обращаю вниманіе на второе. Давно меня давила тяжелымъ кошмаромъ мысль, что пастырскія собранія у насъ потому не прививаются, что пастыри собирались и сами не знали, для чего они собираются, но я все какъ то смущался бросить столь тяжкое обвиненіе собратіямъ. Теперь же о. В. утвердилъ меня въ этой мысли.

А рядомъ въ умѣ шевелится вотъ еще что. Пастырскія собранія призваны, по смыслу опредѣленія св. Синода отъ 18 ноября 1905 года, изыскать средства къ оздоровленію церковно-приходской жизни. Разъ мы собираемся, не зная, для чего мы собираемся, не понимая, что намъ нужно дѣлать, чѣмъ заняться, то мы, очевидно, или не читали опредѣленія св. Синода о пастырскихъ собраніяхъ, или мы глухи и нѣмы къ тому, что называется „оздоровленіемъ церковно-приходской жизни“. Теряешься въ догадкахъ.

Но, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ все дѣло въ правилахъ и указаніяхъ? Если мы не поняли до сихъ поръ, что необходимо изыскать средства къ оздоровленію церковно-приходской жизни, то никакія правила и указанія ни на іоту не подвинуть дѣла пастырскихъ собраній. Дѣло пастырскихъ собраній, изысканіе средствъ къ оздоровленію церков-

но-приходской жизни,—есть работа созидательная, творческая, и не въ правлахъ и указаніяхъ вѣрный залогъ продуктивности этой работы, а въ томъ душевномъ равновѣсіи и сознаніи своего долга, дѣла и призванія, каковыми должны быть объяты члены настырскаго собранія.

Въ письмѣ о. В., къ немалому своему удивленію, нашель тѣ самыя „мнѣ кажется“, благодаря которымъ наша настырскія собранія „не развились и оказались неудачными“.

„Меня взяла охота побывать на настырскихъ собраніяхъ“, пишетъ о. В. II я скажу, что, пока поѣздка наша на настырское собраніе будетъ дѣломъ охоты, блажи, любопытства, а не искренняго желанія всѣми своими силами способствовать изысканію средствъ къ оздоровленію цер.-приходской жизни, то настырскія собранія не только не привьются, но изъ нихъ ровно ничего не выйдетъ. Сегодня охота взяла, ну, а если она завтра не возьметъ ни одного?

„Признаться, я докладчика не слушаль“, читаемъ дальше у о. В. Пока эта развязная пренебрежительность будетъ имѣть мѣсто по отношенію къ докладчикамъ, то вопросъ: „Зачѣмъ я пріѣхаль“? не будетъ празднымъ, а настырскія собранія не только не привьются, но въ концѣ концовъ совершенно прекратятъ свое существованіе.

Пока мы будемъ бравировать фразами: „Нѣтъ! пусть лучше оштрафуютъ, а больше не поѣду ни за что“, то дѣйствительно изъ настырскихъ собраній въ концѣ концовъ получатся одни... штрафы, а изъ нихъ, какъ извѣстно, средствъ къ оздоровленію церковно-приходской жизни не высосать.

Характерно. Если настырскія собранія по идеѣ служатъ изысканію средствъ къ оздоровленію цер.-приходской жизни, то по смыслу заявленія о. В. выходить, что онъ скорѣе заплатитъ штрафъ, чѣмъ употребить со своей стороны всѣ усилія къ изысканію этихъ самыхъ средствъ.

Какъ то все это не вяжется со всей дѣятельностью о. В., по его словамъ, направленной на борьбу въ своемъ приходѣ съ разными „освободителями атеистами“, развращающими народъ.

Пока аргументами будутъ служить слова: „пустяки читаете“, то изъ настырскихъ собраній ровно ничего не выйдетъ.

Есть еще не мало причинъ, которыя наравнѣ съ тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что пастыри не знаютъ, для чего собираются, содѣйствуютъ тому, что наши собранія никакъ не прививаются.

Не безынтересно вспомнить сейчасъ, по какому случаю о. В. на описываемомъ имъ пастырскомъ собраніи воскликнулъ: „Пустяки читаете“. Докладчикъ между прочимъ прочиталъ: „несравненно лучше было бы, если бы председателемъ церковно-приходскаго совѣта былъ бы одинъ изъ прихожанъ, а не священникъ“. На этой фразѣ о. В. и не выдержалъ, но ему нужно было повременить, ибо докладчикъ не могъ оставить это свое мнѣніе голословнымъ, а аргументировалъ бы его. Ничего ужаснаго эта мысль не заключаетъ, напротивъ, она очень симпатична и жизненна.

Я придерживаюсь мнѣнія докладчика и хотя не слышалъ его аргументовъ въ пользу этой мысли, но не думаю, что мы сильно разойдемся. Она мнѣ особенно становится понятной на такомъ примѣрѣ. Допустимъ, мои прихожане собрались и порѣшили не „праздновать“ повальнымъ пьянствомъ храмовой день, а всѣ тѣ деньги, которыя пошли бы на „зелѣ“, употребить ну хоть бы на... фондъ для ссудной кассы. Дальше допустимъ, что не они сами пришли къ этой счастливой мысли, а я своимъ словомъ ихъ въ этомъ убѣдилъ, и они вняли моему голосу. Который изъ двухъ порывовъ имѣетъ большую моральную цѣнность? Безусловно первый порывъ, ибо онъ исходитъ изъ глубины ихъ же души, является плодомъ ихъ непосредственнаго сознанія; тогда какъ второй является лишь слѣдствіемъ моего слова; сейчасъ они имъ убѣждены, но нѣтъ поруки, что завтра—послѣзавтра мое предложеніе покажется имъ невыгоднымъ. То-же, что создано ихъ убѣжденіемъ, непоколебимо и непреложно. Приходскій совѣтъ, имѣя председателемъ своего же члена, проявляя свою дѣятельность, будетъ стоять на почвѣ собственной инициативы, будетъ работать своимъ мозгомъ, и потому эта дѣятельность пріобрѣтаетъ особенную моральную цѣнность. Понятно, что такой порядокъ можетъ быть допустимъ только съ разрѣшенія Епископской власти.

Но устранимся на часъ доводами о. Вас. А что если въ своемъ дѣлѣ прихожане изберутъ въ председателя совѣта „освободителя-атеиста“? Какъ тогда быть? Отвѣтъ очень ясенъ и простъ. А не утвердить председателя! Прихожане должны понять и знать что отъ председателя приходскаго совѣта естественно требуется, чтобы онъ былъ рачительнымъ

посѣтителемъ храма Божьяго, чтобъ онъ, ежегодно приступая къ таинствамъ Исповѣди и Причастія, этимъ самымъ высказывать свою сыновнюю преданность Матери Церкви, наконецъ, чтобъ онъ дѣлами благотворительности и усердіемъ, направленнымъ къ украшенію приходскаго храма, доказалъ бы близость своей души тѣмъ въ идеѣ начертаннымъ функциямъ Совѣта, во главѣ котораго онъ станетъ. Думается, что ни одинъ „освободитель-атеистъ“ изъ прихода о. Вас. не подойдетъ подъ эти требованія.

Ясно, что страхи о. Вас. призрачны. (А потому, насколько вѣска, не скажу корректна, его вставка по поводу чтенія докладчика—„пустяки читаете“ предоставляю судить). Не пустяки читались, а пустяки говорились сгоряча, скороговоркой.

Такъ какъ письмо о. Вас. было предложено нашему вниманію, то въ этомъ я вижу и наше право, а не только соокружниковъ о. Вас., высказать свое мнѣніе.

б) *Зачѣмъ?*

О. Акимъ Лашковъ въ своей статьѣ: „Правда о пастырскихъ собраніяхъ“ *) дѣлаетъ такое заключеніе: „строго говоря, пастырскія собранія не выдерживаютъ критики“. Что не выдерживаетъ критики? Пастырскія собранія, какъ установленіе, или же наше пользованіе ими, т. е. тѣ пастырскія собранія, которыя „мы создали“? Яснаго разграниченія нѣтъ. Въ началѣ авторъ разумѣетъ самое установленіе, потомъ идетъ описаніе „нашихъ“ пастырскихъ собраній, какъ мы ихъ поняли и къ жизни приложили, потомъ намеки, и, наконецъ, вышеприведенное категорическое заключеніе.

О. Акимъ утверждаетъ, что пастырскія собранія занялись политикой; что чѣмъ дальше, все больше и больше они становятся политическими. Такое заключеніе, кромѣ свой голословности, заключаетъ и порядочную долю клепа... Есть округа, въ которыхъ позабыли не только о послѣднемъ пастырскомъ собраніи, но и вообще о пастырскихъ собраніяхъ, бывшія постановленія покрываются пылью уже годовъ; а тутъ говорятъ объ ихъ ростѣ (собраній), объ ихъ все болѣе и болѣе возрастающемъ политическомъ направленіи.

*) „Киш. Еп. Вѣд.“ т. г. № 11.

Первое время пастыри, собираясь на собранія и начиная всегда дѣло съ недоумѣнія по поводу ихъ существованія, кончали политикой, но не потому, что сознательно шли по этому пути, но потому, что политика была злобой дня, и о ней говорили, какъ въ былое время естественно говорили о покое, о хлѣбахъ или „о болѣе рациональномъ проведеніи дымовыхъ трубъ“. Теперь же, когда съ политикой вообще попріутихли, и духовенство въ массѣ о ней позабыло. Выстрѣлъ производить такое же впечатлѣніе, какъ скрипъ салоговъ; тотъ или другой призывъ къ отстаиванію той или другой политической платформы—какъ газетное объявленіе о продажѣ „двухъ чистокровныхъ жеребцовъ и англійской коляски съ упряжью“. Въ области религіозной жизни растлѣніе нравовъ производить на массу такое же впечатлѣніе, какъ легкій насморкъ.

И вотъ, въ это то время наступающей апатіи и затишія по всему фронту обыденной жизни, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о пастырскихъ собраніяхъ.

Симпатичности, жизненности и насущности пастырскихъ собраній въ идеѣ не можетъ опровергнуть никакая критика. Пастырскія собранія призваны служить прогрессу духа, призваны разбудить и расшевелить внутреннюю жизнедѣятельность прихода, призваны вдохнуть струю жизни въ это малое заблудшее и обнищавшее духомъ стадо Церкви Христовой. И тотъ, кому дороги интересы Церкви Христовой, никогда не станутъ говорить, что пастырскія собранія не выдерживаютъ критики, не оговорившись ясно, жирнымъ шрифтомъ, что онъ говоритъ не объ идеѣ (Боже упаси!) пастырскихъ собраній, а о томъ примѣненіи, какое они у васъ получаютъ.

О. Акимъ почему-то смѣшиваетъ пастырскія собранія со сѣздами. Развѣ не извѣстно, что функціи ихъ почти противоположны. Цѣль сѣздовъ, по о. Акиму, не прогрессъ человѣческаго духа, а интересы плоти. Вѣрно. Разсматриваемыя сѣздами всевозможнаго рода ассигновки и доклады ревизіонныхъ комиссій ничего общаго съ областью духа не имѣютъ. Но какъ же быть? Епархія имѣетъ свою, чисто внѣшнюю, организацію, милліонное хозяйство, которымъ нужно управлять, которое нужно вѣдать. И какъ ни узко спеціальны рамки епархіальныхъ сѣздовъ, —они не проходятъ иногда и мимо запросовъ духа (вспомнимъ *миллія* по разнымъ вопросамъ сѣзда 1905-года). Но если сѣзды захватыва-

ють чисто внѣшню сторону жизни духовенства, то предъ пастырскими собраніями открываются новые горизонты.

Развѣ цѣль пастырскихъ собраній состоитъ въ изысканіи средствъ къ улучшенію внѣшняго быта духовенства, къ предоставленію ему всевозможныхъ удобствъ?!...

Мы такъ о пастырскихъ собраніяхъ никогда не мыслимъ.

До нѣкотораго времени дѣйствительно существовали такого рода негласныя „пастырскія собранія“: они не назывались пастырскими собраніями, хотя и были таковыми, а именовались крестбинами, именинами, брачными торжествами. Собирались и толковали, о многомъ толковали. О томъ, какъ кого слѣдуетъ „пожарче унечь“, какъ выгодноѣ обставить то или другое „дѣльцо“, какъ „выпутаться“ изъ того или другого положенія и выйти чистымъ. Вообще разсуждали объ удобствахъ. Центральное мѣсто занималъ „дѣлокъ“, на своемъ вѣку многое выдавшій, предъ нимъ благоговѣли, его слушали, а онъ научалъ. Благодареніе Богу, теперь атмосфера нѣсколько попрочистилась, въ кругу собратьевъ можно заговорить о „духѣ“ о „любви и созерцаніи Божества, о реализаціи этой любви“ не только дѣлами благотворительности— филантропіи, но и шагами собственной жизни, болѣе стойкими, прямыми, искренними, соотвѣтствующими званію христіанина, пастыря.

Но вернемся къ темѣ. Читалъ я статью о. Акима и вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ.

„Правда о пастырскихъ собраніяхъ“ въ томъ заключается, что пастырскія собранія въ концѣ концовъ... „не выдерживаютъ критики“, строго говоря—*ложь* они. Пастырскія собранія, являясь результатомъ социализма, (насколько намъ извѣстно, пастырскія собранія являются результатомъ того желанія Свят. Синода „приложить всяческія старанія къ оживленію церковно-приходской жизни“, которое особенно ясно отънесено въ извѣстномъ письмѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія), яраго врага христіанства, сами оказываются, какъ исчадіе его, врагами христіанства (?!).

Социализмъ... енархіальные съезды... политика... пастырскія собранія... ярый врагъ христіанства—все это о. Акимъ перемѣшалъ, все это затѣмъ вскисло и получился результатъ: «Строго говоря, пастырскія собранія не выдерживаютъ критики».

Читаешь статью о. Акима и напрашивается естественный вопрос: для чего всё эти парадоксы? Почему нужно было о. Акиму высказать свой отрицательный взгляд на съезды и пастырскія собранія? Для чего нужно было родоначальникомъ съездовъ указать социализмъ, этотъ поистинѣ тяжелый кошмаръ нашихъ дней? Для чего необходимо было подчеркнуть, что «прогрессъ духа», приближеніе ко Христу совершаются скорѣе «въ уединеніи», а не тамъ, гдѣ, скажемъ мы, двое или трое собраны во имя Его?

Для того, чтобъ намъ, собирающимся на пастырскія собранія, предложить неубѣдительно «уединиться», пророчествуя намъ «прогрессъ духа»?

Въ уединеніи мы дѣйствительно не будемъ «мѣшать» другъ другу ни богословской ученостью, ни практической дѣятельностью; но что будетъ, если мы, оставаясь въ уединеніи, очутимся въ объятіяхъ не Отчихъ, а... Морзея?

Вѣдь вотъ, до пастырскихъ собраній мы «духовно закалялись» именно въ уединеніи, пребывая сами въ себѣ; результаты получились не важные, въ смыслѣ крайне плачевнаго состоянія церковно-приходской жизни (см. рѣчь Преосвящ. Владимира, сказанную на бесѣдѣ въ Городской Думѣ 2 марта).

Нѣтъ, если ужъ самое установленіе пастырскихъ собраній, «строго говоря, не выдерживаетъ викакой критики», то, строго говоря, автору слѣдовало бы какънибудь это аргументировать.

Свящ. П. А-въ.

в) О пастырскихъ собраніяхъ и о правдѣ священника Акима Лашкова.

Мнѣ какъ-то приходилось уже писать (Енарх. Вѣд. № 3, т. г.), что въ послѣднее время въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ слова: «либераль, социалистъ, социальный, революціонный» и т. п. стали какими то жупелами, страшными словами, которыми думаютъ запугать невѣжественную публику наши доморощенные публицисты. Между истиннымъ значеніемъ этихъ словъ и тѣмъ содержаніемъ, какое часто вкладываютъ въ нихъ, лежитъ иногда цѣлая пропасть. Это рождаетъ путаницу, и дѣло доходитъ иногда до довольно курьезныхъ сравненій и сопоставленій.

Яркой иллюстраціей сказаннаго можетъ служить замѣтка священ-

Акима Лашкова—«Правда о пастырскихъ собраніяхъ», помѣщенная въ 11 Епарх. Вѣд. за т. годъ.

Встрѣтивъ у Высокопреосвященнаго Антонія Волынскаго замѣчаніе, что наши сѣзды суть результаты социализма, о. Лашковъ рѣшилъ изъяснить это замѣчаніе, несмотря на то, что самъ признаетъ его локальнымъ.

Въ своей замѣткѣ о. Акимъ развиваетъ это, очень, можетъ быть, но вскользь брошенное замѣчаніе или же, быть можетъ, и имѣющее *raison d'être* въ общемъ ходѣ мыслей той статьи Преосвященнаго, да оно вырвано, доводитъ его до крайности, до абсурда.

«Развѣ, восклицаетъ о. Лашковъ, не социалистическія формы эти и сѣзды, близко схожіе съ различными свѣтскими товариществами, коопераціями и т. п., цѣль которыхъ не прогрессъ человѣческаго духа, юти» и т. п.

Къ этой тирадѣ о. Лашкова редація дѣлаетъ примѣчаніе: «сближеніе епархіальныхъ сѣздовъ духовенства съ социалистическими собраніями обнаруживаетъ у автора столько же слабое представленіе о социалистическихъ собраніяхъ, сколько и о самыхъ епархіальныхъ сѣздахъ».

Мнѣ кажется, что не только сближеніе епархіальныхъ сѣздовъ социалистическими собраніями, но и *вся* замѣтка о. Лашкова обвиняетъ у автора слабое представленіе о предметѣ, которому посвящена его замѣтка. Даже отдѣльныя мысли, отдѣльныя фразы его заки свидетельствуютъ, что о. Лашковъ не даетъ себѣ яснаго отчета о томъ, что онъ говоритъ.

И въ сторонѣ оставляю его курьезное сближеніе нашихъ епархіальныхъ и окружныхъ сѣздовъ съ социалистическими собраніями и различными свѣтскими товариществами и коопераціями и т. п. *), а спрошу о. Лашкова, что, напримѣръ, онъ имѣлъ въ виду выразить въ своихъ словахъ о духѣ, «который всего болѣе нуждается въ любви и созерцаніи Божества и *реализаціи этой любви въ дѣлахъ благотворительности*». И тотъ ли это духъ, «прогрессъ котораго совершается не блестящихъ, шумливыхъ собраніяхъ, а скорѣе въ *уединеніи*, зато

*) Это— «и т. п.» о. Лашкова—великолѣпно. Оно напомнило мнѣ носъ одного батюшки, который, перечисливъ въ докладѣ своихъ враговъ: *инженера, акцизнаго, учителя, добавилъ т. п. машинисты*. Н. С.

отражается весьма благотворительно на нравственности вѣрующихъ людей»? Если это одинъ и тотъ же духъ, то какимъ манеромъ онъ ухитрится реализовать свою любовь въ дѣлахъ благотворительности *въ единеніи*?

«Прогрессирующая въ духѣ личность, разсуждаетъ далѣе о Лашковѣ, своей примѣрной жизнью несомнѣнно гораздо больше пользы принесетъ своей паствѣ, чѣмъ личность: бьющая на эффектъ своей богословской ученостью, практическою дѣятельностью и дѣловитостью».

Опять таки непонятно, какимъ это правомъ эта „прогрессирующая въ духѣ личность» сумѣетъ «реализовать свою любовь въ дѣлахъ благотворительности» одной только примѣрной жизнью, безъ практической дѣятельности. И почему о. Лашкову такъ ненавистны «богословская ученость и практическая дѣятельность и дѣловитость». Въ своей ненависти къ нимъ онъ даже ставитъ ихъ въ тѣсную, неразрывную связь, хотя очень часто на дѣлѣ бываетъ совершенно наоборотъ:—богословская ученость очень мало мирится съ практическою дѣятельностью и дѣловитостью.

Если я вѣрно уловилъ главную, основную мысль о. Лашкова (а признаться довольно таки трудно въ его туманныхъ и сбивчивыхъ разсужденіяхъ уловить какую нибудь опредѣленную, ясно выраженную мысль), дѣло представляется въ такомъ видѣ.

Намъ, сельскому духовенству, не нужны никакіе съѣзды, являющіеся результатами яраго врага христіанства—соціализма. Намъ даже не пристала практическая дѣятельность и дѣловитость, это область богословской учености. Наша обязанность прогрессировать въ духѣ, въ любви и созерцаніи божества и *въ единеніи реализовать любовь въ дѣлахъ благотворительности, но не путемъ практической дѣятельности*. Какъ выполнить эту программу священнической «дѣятельности»—это пока секретъ о. Лашкова. Будемъ ждать отъ него дальнѣйшихъ поясненій. А пока мнѣ думается, что наши пастырскія собранія не потому не прививаются, что соціализмъ подгадилъ, а потому, что среди насъ еще очень много лицъ, «прогрессирующихъ въ духѣ» ненависти къ богословской учености и практической дѣятельности; въ духѣ безотчетнаго, напичкаго страха предъ ими же созданными пугалами. Между тѣмъ, богословская то, въ обширномъ смыслѣ этого сло-

ва, ученость и открыла-бы имъ глаза на сущность непонятныхъ и пугающихъ ихъ явленій современной жизни, научила бы ихъ, какъ разумно и съ пользою для пастырскаго дѣла бороться съ отрицательными сторонами этихъ явленій, показала бы имъ, что реализація любви только и возможна въ практической дѣятельности, «а созерцаніе Божества въ уединеніи» есть область аскетизма. Существуютъ монастыри, куда и могутъ удалиться «прогрессирующія въ духѣ личности» для аскетическихъ упражненій. Но если элементъ аскетизма необходимъ въ христіанствѣ, то для полноты христіанства столь же необходимъ и элементъ социальный, такъ какъ христіанство должно войти могучимъ ферментомъ въ жизнь общественную. И вводить его должны пастыри, главнымъ образомъ. Болѣе общихъ причинъ, въ силу которыхъ пастырскія собранія такъ туго у насъ прививаются, я сейчасъ касаться не буду, такъ какъ объ этомъ я писалъ уже года два тому назадъ въ Епарх. Вѣд., вскорѣ послѣ опубликованія опредѣленія Св. Синода.

Священникъ Н. Стойковъ.

О. благочинному и духовенству 3-го округа Сорокского уезда. Приношу искреннюю и сердечную благодарность о. благочинному Василю Гумѣ и духовенству округа за чувства, выраженные мнѣ въ адресѣ отъ 20 Марта сего года, по случаю моего перехода въ другой приходъ.

Низко кланяюсь и отвѣчаю тѣмъ же цѣлованіемъ святымъ во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ,

Глобокоуважающій и благодарный, священникъ с. Скумніи
Николай Макареско.

1908 г., Апр. 26 дня.

Епархіальная хроника.

Во вторникъ 6 мая, по случаю рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, литургію святаго Іоанна Златоустаго въ Кишиневскомъ кафедральномъ соборѣ отслужилъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Владимиръ. Во время причастнаго стиха священникомъ Кишиневскаго Вознесенскаго собора Іоанномъ Биволомъ было сказано слово «о милосердіи и правдѣ Божіей».

◆ Въ четвергъ 8 мая въ Крестовой церкви архіерейскаго дома Его Преосвященствомъ, Епископомъ Владимиромъ, было отслужено всенощное бдѣніе.

◆ Въ пятницу 9 мая, по случаю храмоваго праздника въ больничной Николаевской церкви, литургію св. Іоанна Златоустаго и молебенъ Святителю Николаю отслужилъ Преосвященнѣйшій Епископъ Владимиръ. За литургіей былъ рукоположенъ въ діакона окончившій курсъ Кишиневской духовной семинаріи, псаломщикъ села Антоновки, Аккерманскаго уѣзда, Андрей Байданъ.

Послѣ заамвонной молитвы Преосвященнѣйшій Епископъ Владимиръ въ своей глубоко—прочувствованной рѣчи, обращенной къ больнымъ, объяснилъ имъ, что для нихъ имѣется врачебница не только тѣлесная, но и духовная, которая и есть церковь.

◆ Въ воскресенье 11 мая въ Кишиневскомъ кафедральномъ соборѣ литургію святаго Іоанна Златоустаго отслужилъ Преосвященнѣйшій Владимиръ.

Послѣ литургіи былъ отслуженъ святымъ равноапостольнымъ Первоучителямъ Словенскимъ Меѳодію и Кириллу молебенъ.

За литургіей былъ рукоположенъ во священника діаконъ Андрей Байданъ.

◆ Въ 5 часовъ пополудни того жедня въ Крестовой церкви архіерейскаго дома Преосвященнымъ Епископомъ Владимиромъ былъ прочитанъ акаѳистъ Животворящему гробу и Воскреснію Господню.

◆ 14 мая, по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ кафедральномъ соборѣ литургію и царскій молебенъ совершили Преосвященнѣйшіе—Владимиръ, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій, и Аркадій, бывшій Епископъ Аккерманскій.

◆ 10 мая т. г. полученъ Правленіемъ Киш. дух. семинаріи указъ Св. Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владимира, Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго, объ открытіи занятій въ семинаріи съ будущаго учебнаго года. Св. Синодъ отклонилъ ходатайство Его Преосвященства объ открытіи занятій въ семинаріи въ текущемъ уч. году, принимая, съ одной

стороны, во вниманіе, что для занятій въ т. г. не остается достаточнаго количества учебнаго времени (для удовлетворительнаго прохожденія положенныхъ по семинаріи учебныхъ курсовъ), каковой недостатокъ не можетъ быть вознагражденъ и продленіемъ занятій на часть лѣтнихъ вакацій, какъ въ виду климатическихкихъ условій жизни Киш. дух. семинаріи, такъ и въ виду необходимости правильно, безъ ослабленія физическихъ силъ учащихся, начать слѣдующій учебный годъ, а, съ другой стороны, принимая также въ соображеніе, что учащимися Киш. семинаріи во время безпорядковъ 14—17 января т. г. была проявлена крайняя непристойность поведенія, вслѣдствіе чего мѣры послабленія во взысканіяхъ съ нихъ могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на дисциплину въ семинаріи въ послѣдующее время. Св. Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣлилъ открыть учебныя занятія 1—V кл. семинаріи съ начала будущаго 1908—9 уч. года, допустивъ къ обратному приему на повторительный курсъ въ семинарію лишь тѣхъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, которые будутъ признаны Правленіемъ семинаріи благонадежными къ продолженію ученія; главныхъ же виновниковъ происшедшихъ въ семинаріи безпорядковъ не допускать къ обратному приему въ семинарію, уволивъ ихъ навсегда; подвергнуть также дисциплинарному взысканію тѣхъ принятыхъ обратно воспитанниковъ, которые будутъ признаны заслуживающими того по своему поведенію (въ прошломъ), и установить за ними особый надзоръ.

Иноепархіальная хроника церковно-общественной жизни.

◆ *Отъ Омской дух. консисторіи.* Въ виду недостатка въ кандидатахъ священства, Омское епархіальное начальство предлагаетъ лицамъ, окончившимъ курсъ духовныхъ семинарій или прошедшимъ первые 4 класса сихъ семинарій и ищущимъ священства, заявлять ему о желаніи зачислиться кандидатами для опредѣленія на священническія мѣста въ Омской епархіи. При прошеніи представлять слѣдующіе документы: копію клировой вѣдомости, завѣренную о. благочиннымъ, или

свидѣтельство объ образованіи и одобрительныя аттестаціи о нравственныхъ и служебныхъ качествахъ.

◆ *Приходская дѣятельность сельской матушки.* Въ „Полоц. Еп. Вѣд.“ № 1 т. г. поучительно обрисовывается приходская дѣятельность матушки Старого села, Полоцкой епархіи. Н. П. Покровской. Старосельская женская школа поражаетъ всякаго посѣтителя своимъ образцовымъ порядкомъ и чудными руководѣльными работами дѣвочекъ. Здѣсь, помимо вязанья разнаго рода кружевъ, прошивокъ и вышивокъ, ткуются ковры, дорожки, платки, одѣяла, шерстяныя матеріи, разные узорчатые передники и проч. Школа въ достаткѣ обставлена всеми необходимыми принадлежностями. И всемъ этимъ она почти всецѣло обязана женѣ мѣтнаго священника, упомянutoй Н. П. П-ой. Она обо всемъ заботится, изыскиваетъ средства, всемъ руководитъ, всему даетъ направленіе, сама въ своемъ домѣ учитъ дѣвушекъ пѣнію, составила чудный хоръ на два клироса, которымъ управляютъ специально подготовленныя ею ученицы. Хотя она и старается быть въ сторонѣ, незамѣченной, но вездѣ вложена ея душа, она всемъ своими бывшими и настоящими питомцами руководитъ, всемъ интересуется, заботится и о ихъ религіозно-нравственной жизни, и о матеріальной и о ихъ будущей судьбѣ. Благодаря такимъ ея чисто материнскимъ заботамъ, дѣвушекъ Старосельскаго прихода безошибочно можно узнать среди дѣвушекъ сосѣднихъ приходовъ, — онѣ всегда и вездѣ отличаются отмѣнно приличнымъ поведеніемъ, скромностью и чистотою своего руководѣльнаго наряда. За все это прихожане платятъ своей привѣтливой, ласковой и доброй матушкѣ искреннею любовію и глубокою преданностью.

◆ *Оригинальный докладъ.* Экстренный епархіальный съѣздъ духовенства Полоцкой епархіи, состоявшійся въ концѣ прошлаго года, закончился заслушаніемъ въ высшей степени страннаго и неслыханнаго еще доклада одного изъ благочинническихъ округовъ объ упраздненіи института псаломщиковъ. Почтенные докладчики пришли къ выводу, что псаломщики не только ихъ благочинія, но почти всей епархіи не стоятъ на должной высотѣ, не знаютъ въ совершенствѣ церковныхъ напѣвовъ, плохо знаютъ ноты, не умѣютъ управлять церковными хорами, а если нѣкоторые изъ нихъ и умѣютъ, то дѣняются. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ бываютъ непочтительны въ отношеніи священниковъ. Многіе изъ псаломщиковъ смотрятъ на священниковъ, какъ на своихъ враговъ, и въ приходахъ всячески стараются ронять авторитетъ священниковъ. Въ виду всего этого докладчики приходятъ къ заключенію, что инсти-

туть псаломщиковъ слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить: церковь и приходъ слѣдуетъ ввѣрить настоятелю прихода-священнику, отдать ему жалованье и землю псаломщика и требовать отъ него, чтобы въ церкви было хорошее хоровое уставное пѣніе и чтеніе („со слезой“, по замѣчанію одного о. депутата) и чтобы всѣ письменныя дѣла и документы, которые теперь лежатъ на псаломщикахъ, были бы перенесены на обязанность и отвѣтственность настоятелей церквей и приходоѡ. Докладчики высказали твердую увѣренность, что при такомъ положеніи дѣла очень быстро во всѣхъ приходоахъ епархіи уллучится церковная служба, пѣніе и чтеніе, и вообще церковно приходская жизнь, избавленная отъ „рожна“—псаломщика, потечеть нормальнѣе. Въ защиту псаломщиковъ замолвилъ словечко одинъ только депутатъ. Постановлено вопросъ этотъ для детальной разработки передать на благочинническія собранія и окончательно рѣшить на ближайшемъ епархіальномъ сѣздѣ (Полоц. Еп. Вѣд. № 6).

Вотъ, до чего додумались! Неожиданное и странное рѣшеніе сѣзда о лишеніи правъ на существованіе цѣлаго института псаломщиковъ, какъ и слѣдовало ожидать, справедливо вызвало цѣлую бурю протестовъ и неудовольствій и не только со стороны псаломщиковъ, что естественно, но и со стороны священниковъ Полоцкой епархіи.

◆ *Ограниченіе „лаборѡства“.* Въ концѣ прошлаго года нѣкоторые изъ кружковъ петербургскаго духовенства подняли вопросъ о „лаборѡствѣ“—сборахъ на церковныя нужды среди обывателей. Давно это дѣло требовало урегулированія и введенія его въ извѣстныя рамки. Прѣжній наивный способъ собиранія при посредствѣ разъѣздныхъ и перехожихъ монаховъ и монахинь оказался мало удобнымъ и возможнымъ при измѣнившихся условіяхъ русской жизни. Онъ началъ вызывать справедливыя жалобы и осужденія не только среди самыхъ сборщиковъ, но и со стороны жертвователей. Поговорите, напримѣръ, даже съ вѣрующимъ челоѡкомъ, признающимъ все великое значеніе монастырей въ религиозной жизни народа—и вамъ, навѣрно, придется выслушать цѣлый рядъ обидныхъ „анекдотовъ“ о разныхъ сборахъ и сберщикахъ монастырскихъ, особенно же о сборщицахъ. Какъ на примѣръ, можно указать на слѣдующій интересный фактъ, проскользнувшій въ газетахъ. Пріѣхали въ Петербургъ двѣ монахини одного провинціального монастыря для сбора подаяній „на украшеніе храмовъ родной обители“. Какая-то богатая барыня взяла ихъ обѣихъ къ себѣ въ домъ и отвела имъ комнату со столомъ. Спустя нѣкоторое время отъ настоятельницы получилось письмо съ приказаніемъ купить для нея хорошую канарейку, заплатить „хоть

200 руб.“, лишь бы превосходно пѣла. Сборщицы были неграмотны и письмо это дали прочитать барынь, у ко.орой онѣ жили. Та, прочитавши письмо, естественно возмутилась и обѣихъ монахинь выпроводила изъ дому, говоря: „Вотъ какія нужды у вашей обители!“ Приведенный фактъ, въ ряду многихъ подобныхъ фактовъ изъ практики монастырскихъ сборовъ, лишній разъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ эти уличные сборы, благодаря совершенной безконтрольности, служатъ далеко не къ украшенію обителей и храмовъ, а именно говорятъ о томъ, что настоятели и настоятельница, водворившись въ монастыряхъ, духомъ пребываютъ въ мірѣ съ его прихотями и цѣлями далеко не монашескаго свойства. А сколько бываетъ унижительныхъ, позорныхъ сценъ въ разныхъ питейныхъ и трактирныхъ заведеніяхъ! Сколько соблазна особенно для монахинь—помоложе да лицомъ попригоже, которымъ нерѣдко приходится останавливаться для ночлега „гдѣ придется“, и для монаховъ, которыхъ точить червь любостыжанія, плотоугодія? О фактахъ подобнаго рода даже неудобно и писать.

Не пора ли, поэтому, категорически воспретить уличные сборы монаховъ и монахинь?—Пора! рѣшительно говорятъ не только въ печати, но даже сами же монахи, но крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ. Такъ въ „Ярослав. Епарх. Вѣдом.“ одинъ іеромонахъ прямо заявляетъ, что все монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, болѣе или менѣе обезпечены, почему и не представляется никакой необходимости въ этихъ сборахъ. Напротивъ, послѣдніе служатъ лишь во вредъ монахамъ, развивая въ нихъ духъ корыстолюбія, такъ какъ извѣстно, что „чѣмъ богаче становились монастыри, тѣмъ изобрѣтательнѣе они дѣлались на разные способы увеличить свои богатства“, вслѣдствіе чего трудовая во имя Бога община—монастырь обращалась мало по малу въ коммерческое дѣло, могучее не только подвижническимъ трудомъ, но и силой капитала...

Такъ говоритъ человекъ—самъ изъ монастыря, прекрасно знающій положеніе монастырскихъ дѣлъ, и къ его голосу, какъ вполнѣ беспристрастному и выражающему настоящую правду, необходимо внимательно прислушаться. Если въ исключительныхъ случаяхъ, напимѣръ, при опустошительныхъ пожарахъ и тому подобныхъ бѣдствіяхъ, постигающихъ монастыри, послѣднимъ и можно было бы допускать указанные сборы, то надъ безконтрольными распоряженіями, „по своему усмотрѣнію“ настоятелей и настоятельницъ, часто рассылающихъ за подаяніями чуть ли не всю монастырскую братію,—давно пора поставить крестъ. (Саратов. Дух. Вѣстникъ № 4).

◆ *Единеніе родителей и воспитателей.* Въ Полтавской семинаріи имѣлъ мѣсто соединенный съѣздъ дѣятелей всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній. Изъ вопросовъ, освѣщенныхъ этимъ съѣздомъ, особенно интересенъ вопросъ—о деморализующемъ влияніи съѣздовъ духовенства на воспитанниковъ, въ смыслѣ неповиновенія послѣднихъ своимъ воспитателямъ. Въ послѣднее время съѣзды духовенства стали вторгаться въ непринадлежащую имъ область учебно-воспитательнаго дѣла. Критикуя преподавателей и воспитателей, они посвящаютъ въ эту критику и своихъ дѣтей, у которыхъ чрезъ это вырабатывается ложный взглядъ на своихъ наставниковъ. Въ виду этого съѣздъ пришелъ къ такому заключенію: въ общихъ интересахъ духовенства и учебныхъ корпорацій желательно присутствіе въ общепархіальномъ и окружныхъ съѣздахъ представителей отъ духовно-учебныхъ заведеній, въ первомъ отъ семинаріи, а въ послѣднихъ—отъ обружнаго духовнаго училища (въ лицѣ правленія училища или одного изъ преподавателей—по выбору послѣднихъ)... (Самар. Еп. Вѣдом. № 3).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

◆ *Объ адвентизмѣ.* Секта, извѣстная подъ именемъ адвентизма, начинаетъ проникать и въ Бессарабію. Даемъ краткія свѣдѣнія объ этой сектѣ въ видахъ ознакомленія съ ней.

Главный пунктъ адвентизма—ученіе о близости второго пришествія Христова. По ученію адвентистовъ, душа человѣка засыпаетъ послѣ смерти человѣка т. е. находится въ безсознательномъ состояніи. По второмъ пришествіи Христовомъ обновится вся земля, произойдетъ новое твореніе міра. По обновленіи міра произойдетъ первое воскресеніе мертвыхъ. Изъ гробовъ возстанутъ только тѣ, которые „освящены творческою силою Христа, въ нихъ дѣйствующею, и совершенное освященіе которыхъ запечатлѣно печатью субботы Исусовой“. Эти праведники будутъ наслаждаться въ тысячелѣтнемъ чувственномъ царствѣ Христа, будутъ вмѣстѣ съ нимъ править міромъ, соцарствовать Ему. Чувственное царство Христа откроется въ Палестинѣ. Другая особенность ученія адвентистовъ—субботство. Вѣтхій Заветъ, говорятъ они, не отмѣненъ Христомъ, а десятословіе и вообще все Св. Писаніе Вѣтхаго Завета повелѣваетъ чтить субботу. Что касается празднованія воскресенія, то объ этомъ, по мнѣнію адвентистовъ, ни слова не говорится въ св. Писаніи. Остальные пункты вѣроученія адвентистовъ—общекатолическія. Они отрица-

ють всю церковную обрядность, почитаніе св. иконъ (на основаніи 2-й заповѣди десятизловія). Тайнствъ признають два—крещеніе и евхаристію. Первое совершается только для взрослыхъ и непременно черезъ погруженіе. Относительно евхаристіи учать, что единственный способъ, которымъ кто либо изъ людей можетъ приобщиться тѣла Христова, состоитъ въ томъ, что „надо всѣмъ сердцемъ вѣрить всему, чему Спаситель училъ“. Въ домашней жизни адвентисты отличаются воздержанностью, не потребляютъ спиртныхъ напитковъ, не курятъ табаку, не ѣдятъ свинины: нѣкоторые вовсе отказываются отъ мяса. Родина адвентизма—Америка. Къ намъ онъ перешелъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, сначала въ Подолію, Херсонскую, Кіевскую, Екатеринославскую губерніи и на Кавказъ, а недавно нашелъ себѣ послѣдователей и въ нашей Бессарабіи. Эсхатологическое ученіе адвентизма найдетъ себѣ самую благоприятную почву среди крестьянства, а потому оно требуетъ къ себѣ самаго серьезнаго вниманія со стороны приходскаго духовенства.

Редакторъ, преподаватель духовной семинаріи
Василій Курдиновскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

„Новый журналъ“

Главная контора: Москва, Тверская, д. Бахрушина.

Подписаться можно съ 1-го числа любого мѣсяца на годъ: (50 №№)

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ посвященъ главнымъ образомъ описанію участившихся за послѣднее время и ужасающихъ міръ грандіозныхъ преступленій.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ срываетъ завѣсу съ сильныхъ и опасныхъ своей сплоченностью организаций профессиональныхъ воровъ и убійцъ крупныхъ центровъ Европы и Америки.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ отводитъ мѣсто дѣятельности и приключеніямъ знаменитыхъ сыщиковъ всѣхъ странъ и временъ (Франка Гардинга, Горона, Видока, Франсау Питавала, Георга Зегера, Зама Теплора, женщины-сыщика Гарриетъ Больтонъ-Райтъ и мног. др.), этихъ истинныхъ защитниковъ общественной безопасности.

3 р. 11 1/2 г. 1 р. 75 к.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ предлагаетъ читателямъ **исключительно новинки** уголовно-сенсационной литературы.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ помѣщаетъ на своихъ страницахъ не выдумки изобрѣтательныхъ романистовъ, а драмы, выхваченныя изъ водоворота жизни, волнующія своими трагическими подробностями чувства читателя, и, по мѣрѣ развертыванія интриги, приковывающія его внимание все сильнѣй и сильнѣй.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ отъ времени до времени знакомитъ также читателя и съ интересными и полными опасностей приключениями современныхъ путешественниковъ и другихъ замѣчательныхъ людей.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ издается по образцу лучшихъ заграничныхъ изданій подобнаго рода, расходящихся въ миллионѣхъ экз. среди всѣхъ слоевъ общества.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ выходитъ въ объемѣ не менѣе 24 страницъ большого формата убористаго текста.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ брошюруется въ обложку изъ плотной глазированной бумаги, на которой каждый разъ помѣщается художественно-исполненный рисунокъ, иллюстрирующий одинъ изъ наиболѣе яркихъ моментовъ разсказа, помѣщеннаго въ данномъ номерѣ журнала.

**Каждый № содержитъ закон-
ченный сенсационный разсказъ.**

Отд. №№ у газетчиковъ, въ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ по **10** коп. въ провинціи и на ст. жел. дорогъ по **12** коп., въ Вост. Сибири Средней Азии и Закавказья по **15** коп.

Главная контора высыл. отдѣльные **№№** за 2 семикоп. марки каждый.

Вышли въ свѣтъ и имѣются въ продажѣ слѣдующіе №№

№ 1, содерж. полного трагизма разск. «**ДРАМА въ МЕРТВЕЦКОЙ**», изъ приключеній короля германск. сыщиковъ Франка Гардинга. **№ 2**, содерж. сенсационный разск. «**ПАРИЖСКІЕ АПАШИ**», новый союзъ грабит. и убійцъ, навозящій ужасъ на весь Парижъ. **№ 3**, содерж. захватывающ. разск. «**ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ**», объ украденныхъ миллионахъ и расказаніи доктора Ферье. **№ 4**, содерж. необык. интер разск. «**СЕМИЖЕНЕЦЪ**», изъ приключеній всемірно-изв. сыщика Шерлока Холмса. **№ 5**, содерж. сенсационный разск. «**СНЯТЫЙ съ ЭШАФОТА**», изъ прикл. перв. сыщика въ мірѣ Франсуа Питаваля. **№ 6**, — захватывающій разсказъ «**ВЪ ВИХРѢ КАРНАВАЛА**» изъ приключ. короля германск. сыщиковъ Франка Гардинга. **№ 7**, — чрезвычайно заним. разск. «**ЖЕНЩИНА СЫЩИКЪ**», первый розыскъ миссъ Гарриетъ Болтонъ-Райтъ. **№ 8**, — взятый изъ жизни разск. «**ОЖИВШАЯ МУМІЯ**», новая попытка д-ра Ферье избавиться отъ проклятыхъ миллионеровъ. **№ 9**, — интересный разсказъ «**ЗАГАДОЧНЫЙ ЕВРЕЙ**», изъ приключ. перваго сыщика въ мірѣ Франсуа Питаваля. **№ 10**, о крайне опасной организаціи «**КРОВАВЫЙ КУЛАКЪ**», изъ приключеній талантливаго сыщика Георга Зегера. **№ 11**, — интересный разсказъ «**РУКА и СЕРДЦЕ на ПОДНОСѢ**», изъ приключеній первокласснаго англійскаго сыщика Сама Тэйлора. **№ 12**, трогательный разск. «**СЛѢПАЯ ИЗЪ МАРСЕЛИ**», тяжкое искупленіе ошибки молодости. 2—2

№ 13 выйдетъ 2 мая, 14—9 мая и т. д. **ПО ПЯТНИЦАМЪ.**

ВЪ МАГАЗИНЪ
„К. М. ЯКОВЕНКО“

на углу Александровской и Пушкинской ул.

ПОЛУЧЕНЪ
РАЗНООБРАЗНЫЙ
ВЫБОРЪ

первосортной заграничной и русской

ОБУВИ

◆ лучшихъ фабрикъ и мастеровъ, ◆

а равно принимаются всевозмож-
ные заказы на **ОБУВЬ**.

10-7